

Секция 25

Использование обобщения судебной практики для повышения развития основ науки и образования

Содержание

Секция 25. Использование обобщения судебной практики для повышения развития основ науки и образования.....	3
Баканова А.А. Организация и формы контроля самостоятельной работы студентов.....	3
Бачуркина О.А. Влияние судебной практики на развитие избирательного права	9
Бикситова Ж.А. Некоторые аспекты судебной практики как элемент правовой действительности.....	15
Бикситова Б.С. Правопонимание судебной практики как научной категории... ..	23
Геворкян Т.В. Обобщение судебной практики как предмет науки гражданского права и ее роль в образовании.....	33
Ежов В.А. К вопросу о формах народной юстиции в России второй половины 19 века.....	37
Ерохина Е.В. Анализ судебной практики в разрезе ее влияния на семейное законодательство и науку семейного права.....	42
Капленко Л.В. Судебный прецедент в Российской правовой системе.....	50
Кожин В.В. Значение судебной практики в правовой системе Российской Федерации.....	56
Лепихина Е.В. Использование материалов в судебной практики в подготовке специалистов в области юриспруденции.....	65
Летуга Т.В. Роль использования судебной практики в процессе преподавания дисциплин гражданско – правовой специализации.....	69
Неретин Н.Н. Некоторые вопросы использования активных методов обучения в методике преподавания уголовно - процессуального права с учетом использования результатов обобщения следственно – судебной практики.....	76
Обухова С.С., Курманенко О.В. Значение анализа эмпирического материала для выполнения исследовательских научных работ.....	80
Саблин Д.А. Пределы и эффективность правового регулирования.....	84
Серяева И.Ю. Принципы организации конституционного правосудия в Российской Федерации.....	87
Холдобин Д.В., Макурова М.Н. Значение судебной практики как источника права.....	92
Чубаркина Н.Н. Некоторые аспекты влияния судебной практики на развитие аграрно – правовой науки.....	97
Ягофаров С.М. Применение современных образовательных технологий при преподавании юридических дисциплин.....	104

Секция 25. Использование обобщения судебной практики для повышения развития основ науки и образования

Баканова А.А. Организация и формы контроля самостоятельной работы студентов

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

На сегодняшний день стратегическим направлением модернизации высшего образования в России остается воспитание самостоятельности, ответственности и развития интеллектуальных способностей у будущих специалистов. В соответствии с тенденциями развития европейского образования (Болонский процесс) в вузе существенно сокращена аудиторная нагрузка студентов. Соответственно, увеличено время, предусмотренное для самостоятельной учебной деятельности. Это объясняется тем, что самостоятельность необходима не только для процесса самообразования, но и для возможности применения приобретенных знаний на практике.

Одна из главных целей воспитания состоит в переводе человека из объекта в субъект деятельности и управления. Это значит, что в результате воспитания человек должен стать способным управлять собой и делать всякое дело сам. Самостоятельность является наиболее существенным признаком человека и как личности, и как субъекта деятельности. Быть самостоятельным – это, значит, «стоять самому», делать что-либо без посторонней помощи, без внешнего побуждения, по своему намерению. В области познавательной деятельности можно говорить о научной самостоятельности. Самостоятельность – это личностное качество, выраженное в способности мыслить, анализировать ситуации, вырабатывать собственное мнение, принимать решение и действовать по собственной инициативе независимо от навязываемых взглядов и способов разрешения тех или иных проблем.

Самостоятельные действия достигают эффекта исключительно при наличии высокой компетенции. Самостоятельность - это индивидуальная особенность, выражающаяся в умении увидеть и поставить вопрос, сформулировать проблему, найти оригинальный способ для её решения.

За идею воспитания самостоятельности учеников высказывались виднейшие классики педагогики: Я.А. Коменский, Ж.-Ж. Руссо, А. Дистервег, И.Г. Песталоцци, К.Д. Ушинский и др.

Значительный вклад в теорию и практику развития самостоятельности учащихся в процессе обучения внесли исследования В.К. Буряка, Е.Я. Голанта, Б.П. Есипова, М.И. Махмутова, П.И. Пидкасистого, А.В. Усовой.

В современной научной литературе нет однозначных подходов к названию этой формы работы студентов и её понятий. Употребляется как термин «самостоятельная работа», так и «самостоятельная деятельность».

Надо отметить, что исследования методистов и дидактов в области самостоятельной работы продолжаются. В результате теория обогащается новыми положениями и фактами. В современной философской, психологической, дидактической и методической литературе рассматриваются различные аспекты самостоятельной работы учащихся и студентов. Однако, наряду с этим, в решении некоторых вопросов наблюдаются определенные трудности. Так, например, отсутствует единая трактовка понятия «самостоятельная работа». Одна из причин расхождения мнений в определении этого понятия состоит в том, что одни авторы относят самостоятельную работу к методам обучения, другие рассматривают ее как форму организации учебных занятий, третьи - как вид учебной деятельности, четвертые - как средство обучения.

Мы поддерживаем мнение А.В. Усовой, которая дает более полное определение этого понятия и определяет под самостоятельной работой учащихся такую работу, которая выполняется учащимися по заданию и под контролем учителя, но без непосредственного его участия в ней, в специально предоставленное для этого время; при этом учащиеся сознательно стремятся достигнуть поставленной цели, употребляя свои умственные усилия и выражая в той или иной форме (устный ответ, графическое построение, описание опытов, запись результатов измерений, расчеты, выводы из опытов и т.д.) результаты умственных и физических действий¹. В этом определении автор подчеркивает, что учащиеся употребляют умственные усилия, а также подчеркивается необходимость осуществления контроля со стороны учителя.

В системе же развивающего обучения самостоятельная работа должна предполагать возможность общения с преподавателем, учащимися при необходимости даже со специалистами в той или иной области. Работа над рефератом, курсовой, дипломной не лишает статуса самостоятельности оттого, что автор проконсультируется у своего руководителя, побеседует с другими специалистами, поучаствует в дискуссии по своей теме на конференции, то есть примет активное участие в учебном процессе.

Однако, до сих пор не осознается, что само понятие «самостоятельная работа» наполняется содержанием только в случае, если определена конкретная педагогическая система, в которой оно рассматривается. Все приведенные дефиниции, определяющие «самостоятельную работу» учащихся, по существу сводятся к одному: «...когда ученики выполняют свою деятельность без непосредственного руководства со стороны педагога, говорят о том, что в учебном процессе применяется метод самостоятельной работы» (Ю.К.Бабанский). Однако такой подход к определению самостоятельной работы не может быть удовлетворитель-

ным в системе развивающего обучения, так как он исходит лишь из формы организации учебного процесса, а не его сущностной стороны. Поэтому в своих работах А.В. Петров замечает, что «самостоятельная работа субъекта не исчерпывается ни фактом отсутствия педагога, ни даже способностью выполнить те или иные задания без помощи учителяⁱⁱ. Она включает более существенную способность: без какой-либо помощи сознательно ставить перед собой те или иные задачи, цели, планировать свою деятельность и осуществлять ее».

Именно такой сущностный подход к пониманию самостоятельной работы учащихся дает право относить его к системе развивающего обучения, которое в научной школе развивающего обучения профессора А.В. Петрова определяется как «формирование способности учащихся к самообразованию, самовоспитанию, саморазвитию сознательной регуляции личностной активности». Самостоятельность учения, в связи с этим, является главным показателем достижения цели развивающего обучения.

Учитывая вышеизложенное, мы предлагаем определить самостоятельную работу студентов как учение, которое определяется способностью учащихся сознательно ставить перед собой те или иные задачи, цели, планировать свою деятельность, осуществлять ее и рефлексировать. Самостоятельная работа должна рассматриваться как уровневое понятие: репродуктивная, продуктивная и творческая работа.

В современной дидактике отсутствует единое мнение и по вопросу классификации самостоятельных работ. Она производится по разным основаниям:

- по характеру учебной деятельности обучаемых;
- по дидактической цели;
- по содержанию;
- по характеру познавательной деятельности;
- по степени самостоятельности и эвристичности работы.

К первой тенденции можно отнести классификацию В.П. Стрекозина, который выделяет следующие виды самостоятельных работ:

1) работа с учебником и учебной книгой, 2) работа со справочной литературой (статистическими сборниками, справочниками по отдельным отраслям знаний, словарями, энциклопедиями и пр.), 3) решение и составление задач, 4) учебные упражнения - обычные и в тетрадях с печатной основой, 5) сочинения и описания, 6) наблюдения и лабораторные работы, 7) работы - задания, связанные с использованием иллюстраций, карт, схем, графиков и раздаточного материала, 8) графические работы.

Второй тип самостоятельных работ впервые рассматривается Б.П. Есиповым. В ней он выделяет самостоятельные работы, применяемые с целью: 1) получения новых знаний, 2) использования на практике приобретенных знаний, 3) повторения и проверки знаний, умений и навыков учащихся. Однако, автор иногда отступает от этого основания, выделяя в

самостоятельные группы: 1) упражнения по русскому и иностранному языкам; 2) решение задач по математике; 3) задания практического характера.

Мы полагаем, необходимо, определить следующие виды самостоятельной работы:

1) Работа с книгой: реферирование, составление аннотаций, конспектов, обзор научно-методической работы, тезирование, цитирование, чтение текста.

2) Создание карточек методов, идей: студенты учатся определённым образом, размещать информацию в соответствии с определенными принципами, выделять конкретную цель и содержание, у студентов развивается умение классифицировать явления, выделять позитивное и негативное, делать выводы и составлять на их основе методические рекомендации. Воспитательная роль весьма значима, поскольку такая работа создаёт предпосылки для проявления студентами своей позиции, отношения к имеющемуся опыту.

3) При формировании профессиональной направленности полезным выступает педагогический «коллаж». Студенты учатся искать определённую информационную среду – газеты, педагогические выставки, тематические передачи, участие в творческих мастерских учёных-практиков, у студентов формируются навыки самостоятельного анализа, синтеза и обобщения. Этот вид самостоятельной работы не возможен без профессиональной этики и коммуникативной культуры, которая составляет основу для воспитательных задач.

4) Создание студентами разнообразных моделей, проектов, которые позволяют уйти от противоречий, которые нередко наблюдают студенты. Противоречия возникают как рассогласование между теоретической информацией, получаемой студентами на занятиях, и реальной практической деятельностью которую студент выводит на основе обобщения следственной и судебной практики проводимой им при прохождении производственной практики.

Подобные виды самостоятельных работ совершенствуют методические навыки студентов, формируют у студентов умения переносить полученную информацию на новую ситуацию, прибегая к решению практических задач по фабуле уголовного дела. Полезным будет выполнение такого задания, которое будет выполнено на основе творчества самого студента.

Мы полагаем, что при выполнении любого вида самостоятельной работы студент должен пройти следующие этапы:

- определение цели самостоятельной работы;
- конкретизация познавательной (проблемной или практической) задачи;
- самооценка готовности к самостоятельной работе по решению поставленной или выбранной задачи;

- выбор адекватного способа действий, ведущего к решению задачи (выбор путей и средств для ее решения);
- планирование (самостоятельно или с помощью преподавателя) самостоятельной работы по решению задачи;
- реализация программы выполнения самостоятельной работы;

Все перечисленные виды, типы и формы самостоятельной работы могут быть использованы преподавателем для работы со студентами непосредственно на учебных занятиях. Поэтому преподаватель особенно должен учитывать задания на основе архивных уголовных дел для внеаудиторного времени.

Следует отметить, что необходимым средством управления самостоятельной работы студента является контроль такой работы со стороны преподавателя. Функция контроля имеет особое значение и осуществляется последовательно, настойчиво, а главное - своевременно. Результаты самостоятельной деятельности позволяют судить об эффективности работы студентов. Между тем, роль преподавателя заключается в том, чтобы, применяя различные виды контроля, стараться не принуждать, а побуждать студента к систематической работе по самостоятельному совершенствованию полученных знаний. При различных формах общения (установочных, индивидуальных консультаций, которые имеют обучающие и воспитательные функции) могут присутствовать элементы доверительности, откровенности, что дает возможность преподавателю ближе познакомиться со студентом, выяснить его готовность и мотивы к предстоящей самостоятельной деятельности. Консультации организуют, направляют и дисциплинируют работу студентов. Выделяют следующие виды контроля:

- контроль учителя;
- самоконтроль;
- взаимоконтроль;
- внутренний самоконтроль.

Проанализировав все виды организации учебной деятельности студентов, можно отметить, что в настоящее время, несмотря на большое разнообразие видов самостоятельной работы, студенты весьма пассивны в этом виде учебной деятельности. Это связано с тем, что такая форма педагогической деятельности еще широко не развита.

Такая форма организации педагогической деятельности должна рассматриваться каждым преподавателем индивидуально. Организация самостоятельной деятельности студента фиксируется в индивидуальном плане преподавателя, наряду с аудиторной и внеаудиторной работой.

Мы полагаем, в связи с тем, что работа преподавателя, это, прежде всего творческий процесс, каждый преподаватель должен организовать работу таким образом, чтобы продумать все формы организации учебно-

го процесса. Самостоятельная работа не должна дублировать лекционное либо семинарское занятие, что нередко имеет место на практике.

Анализ целого ряда классификаций и видов самостоятельных работ, а также участие на семинарских занятиях со студентами, позволяет нам сделать вывод, что наиболее приемлемым вариантом и представляющим интерес для студентов будут следующие виды самостоятельных работ:

1. Составление процессуальных документов по специальности на основе фабул уголовных дел данных преподавателем;
2. Домашние контрольные работы (задачи);
3. Заполнение и составление таблиц;
4. Составление терминологического словаря;
5. Тестирование;
6. Круглый стол.

Необходимо учесть, что каждый преподаватель должен предусмотреть не менее двух или трех видов самостоятельных работ, которые должны использоваться одновременно в каждой группе. Преподаватель должен распределить студентов таким образом, чтобы одна часть студентов занималась одним видом работ, другая задействована была бы другим. Задания должны быть розданы студентам в начале семестра и проконтролированы через некоторое время. Причем каждое задание должно быть предложено с методическими рекомендациями для того, чтобы студент мог ориентироваться перед поставленной задачей. Преподаватель должен разработать перечень либо список рекомендуемой литературы для каждого задания. Кроме того, виды и формы самостоятельной работы должны меняться в течении каждого учебного года.

Любое задание должно быть непременно проконтролировано преподавателем. Самостоятельная работа - это творческий процесс, а значит выполненное самостоятельное задание на оценку «отлично», будет способствовать дальнейшей эффективной деятельности каждого студента.

- [1] Усова А.В. Человеческая деятельность. (Опыт системного анализа) / А.В. Усова.- М., Политиздат, 1974.-328 с.
- [1] Петров А.В. Журнал «Наука, культура, образование». 2006. № 4/5. С. 150

Бачуркина О.А. Влияние судебной практики на развитие избирательного права

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

За последние годы активизировалась дискуссия, которая шла еще с советских времен, по проблеме, является ли у нас судебная практика источником права.

Как отмечает М.Н. Марченко, «данный вопрос являлся и является далеко не новым, а тем более не оригинальным вопросом для российской правовой действительности. Он неоднократно ставился и обсуждался как на общетеоретическом уровне применительно к источникам досоветского, советского и постсоветского российского права в целом, так и на уровне отдельных отраслевых дисциплин»¹

Избирательные кампании, проведенные в нашей стране, значительно способствовали теоретическому обобщению роли судебной практики в совершенствовании избирательного законодательства, влиянии решений высших судебных инстанций на развитие права. Они на более значительный уровень подняли проблему, существующую не один десяток лет: может ли правовая конструкция, выработанная судом, выступать в качестве источников права.

Дискуссия о правотворческой роли судов велась еще с дореволюционных времен. Активно дискутировали этот вопрос представители классической российской юриспруденции в начале XX в. Правда, они отмечали, что судебная практика могла получить значение самостоятельного источника права только после судебной реформы Александра I 1864 г. Ранее судебная власть не была отделена от законодательной, и неясности, неполнота законодательства разрешались после про хождения инстанций в Госсовете, который являлся и высшей судебной инстанцией и законодательным учреждением, превращая судебные решения в законодательные постановления. до реформы 1864 г. суды должны были применять законы по точному и буквальному смыслу, не допуская обманчивого непостоянства самопроизвольных толкований.

По мнению Ф.В. Тарановского, судебная практика наряду с юридическим обычаем является древнейшим источником права.² Видный представитель теории права Н.М. Коркунов считал, что если указы в конституционных государствах являются источником права, хотя издаются во исполнение законов, то таким источником могут быть и судебные решения.³

Г.Ф. Шершеневич, несколько недооценивая роли судебной практики

¹ Марченко М.Н. Источники права: Учеб. пособие. М.: Вельби: Проспект. 2005. С. 378.

² См: Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917. С. 191.

³ См: Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 359.

в России, указывал, что лишь санкция законодателя сообщает обычному праву или судебным решениям качество юридических норм.¹

Советская правовая доктрина отвергала, что решения Верховного Суда можно рассматривать как источник права. В основу официальной концепции советского права был заложен тезис, а точнее-аксиома, согласно которой социалистическое право вообще, а советское-в частности, не может рассматривать судебный прецедент в качестве источника права, поскольку это ассоциировалось: а) с разрушением социалистической законности, понимаемой лишь как строгое и неуклонное соблюдение законов и других законодательных актов; б) с возможным судебном произволом в процессе одновременного выполнения правотворческих и правоприменительных функций; в) с подрывом или же, по меньшей мере, с ослаблением правотворческой деятельности законодательных органов.²

А.Я. Вышинский утверждал, что советский суд не создает нового права. Советские судьи не являются законодателями и призваны не творить право, а осуществлять правосудие в соответствии с требованиями закона, т.е. в соответствии с действующим правом.³

В.М. Жуйков считает, что фактически судебная практика всегда признавалась источником права, поскольку в судебных решениях допускались ссылки на них как на правовую основу разрешения дела, а позднее высказывался за придание решениям Верховного Суда РФ по конкретным делам силы прецедента.⁴

Аналогичного мнения придерживаются Р.З. Лившиц, В.М. Жуйков, Г.А. Гаджиев, В.Л. Кулапов, В.М. Лебедев, И.А. Конюхова, Н.В. Витрук, А.Н. Верещагин, Б.С. Эбзеев, С.А. Иванов, С.А. Солдатов, М.С. Саликов, О.И. Тиунов, Ю.А. Тихомиров и др. Правда, некоторые исследователи, например С.А. Иванов, ограничивают правотворческую функцию судов постановлениями Верховного и Конституционного Судов РФ, а О.И. Тиунов только решениями Конституционного суда РФ что совпадает с позицией С.А. Авакьяна. Еще в 1997 г. он отмечал, что современная судебная власть России, главным образом в лице Конституционного Суда РФ, фактически уже осуществляет правотворческие функции.⁵

По мнению И.А. Конюховой, решения, постановления и определения Конституционного Суда РФ, содержащие в себе положения нормативно-доктринального характера, являются источниками конституционного права России федерального уровня. По юридической силе в иерархии источников она ставит их на следующее место после Конституции РФ.⁶

¹ См: Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Рига, 1924. С. 371.

² Марченко М.Н. Сравнительное правоведение.- М.: Зерцало, 2001. С.536.

³ См: Вышинский А.Я. Очерк о советском судеустройстве. М., 1939. С. 8.

⁴ См: Жуйков В.М. К вопросу о судебной практике как источнике права// Судебная практика как источник права. М., 1997. С. 16.

⁵ См: Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 1997. С.206-209.

⁶ См: Конюхова И.А. Конституционное право Российской Федерации: Курс лекций. М., 2003. С. 228.

Некоторые ученые отмечают активную роль Конституционного Суда РФ именно в осуществлении нормативно доктринального толкования Конституции РФ, в нормативной интерпретации многих конституционных норм. « В этих условиях значимость решений Конституционного Суда РФ как источника конституционного права и как их особая юридическая сила не могут быть проигнорированы ». ¹

Ю.А. Тихомиров отмечает, что в последние годы получают признание решения Конституционного Суда РФ как источник права. Это относится прежде всего к решениям о толковании Конституции РФ — специальном или казусном и постановлениям в их резолютивной и мотивировочной частях, к правовым позициям. ²

Однако такая позиция не согласуется с позициями других известных ученых. Они сочли необходимым отметить, что решения Конституционного Суда РФ, содержащие толкование, распространяют свое действие на заранее неограниченное число общественных отношений, рассчитанные на применение всякий раз, когда возникают обстоятельства, предусмотренные конституционной нормой, однако они не содержат новых правовых норм, а поэтому не могут считаться источниками права, хотя и обладают их некоторыми свойствами. ³

Более категорично высказался В.С. Нерсесянц: «Толкование нельзя смешивать ни с толкуемой нормой, ни с нормой права вообще. Правотолковательное положение — это всегда лишь правило надлежащего понимания уже наличной толкуемой нормы права, а не новая норма права. ⁴ На этих позициях стоят и другие ученые, отмечая, что акты Конституционного Суда РФ, которые не создают правовых норм, не могут рассматриваться в качестве источников конституционного права, хотя они, как и все другие правовые акты, обязательны для исполнения. ⁵

Некоторые исследователи считают, что решения Конституционного Суда РФ и конституционных (уставных) судов субъектов Федерации обычно содержат нормы права, т.е. являются нормативными правовыми актами, кроме тех случаев, когда в решениях этих судов указаны только мотивы отказа в принятии к рассмотрению. Это мнение не совпадает с мнением судьи Конституционного Суда РФ В.О. Лучина. Он отмечает, что результаты решения конституционного дела фиксируются в правоприменительном акте, «который обладает некоторыми свойствами, присущими нормативно-правовым актам, и в то же время, в силу своей спе-

¹ Колюхова И.А. Указ. Соч. С. 229.

² См.: Концепции развития российского законодательства / Под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова, Ю.П. Орловского. М., 2004. С. 11.

³ См.: Лучин В. О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2002. С. 601.

⁴ См.: Нерсесянц В.С. Общая теория права государства. М., 1999. С.500

⁵ См.: Кутафин О.Е. Источники конституционного права Российской Федерации. М.: Юристъ, 2002. С. 146

цифики, образуют самостоятельный элемент механизма конституционного регулирования»¹

Позиции некоторых авторов в этой дискуссии более значимы, поскольку основаны на господствующей у нас национальной правовой доктрине государства, основаны на судебной практике Конституционного Суда РФ и его позиции в этом вопросе, на тщательном анализе проблем реализации Конституции РФ. Нельзя не считаться с позициями и мнением таких известных ученых, как ГН. Манов, ВС. Нерсисянц, О.Е. Кутафин, ВО. Лучин.

Национальная правовая система и ее доктрина не являются застывшими и закостенелыми. Новые подходы, критическое обобщение практики, в том числе судебной, - неотъемлемая часть развития и совершенствования правовой системы и ее доктрины. Но рано применительно к национальной правовой системе заниматься реанимацией прецедентного права.²

Многие исследователи считают постановления Конституционного Суда РФ или Пленума Верховного Суда РФ важнейшим источником права в национальной правовой системе. Правда, О.И. Тиунов, рассматривая нормотворческий характер решений Конституционного Суда РФ, уточняет, что это отличает решения Конституционного Суда РФ от актов судов общей юрисдикции³ т.е. оставляет характер источника права только за решениями Конституционного Суда РФ.

О.Е. Кутафин отмечает, что практика судов общей юрисдикции при всем ее разнообразии никак не связана с прецедентами. Дело в том, что правовая система современной России была и остается системой государства, которая не знает такого источника права, как судебный прецедент. И надо полагать, что в современных условиях вряд ли можно ожидать столь радикальных перемен правовой системы.⁴

Вопросы судебной практики и ее реализации, в том числе в законодательные предписания, являются важнейшими в правоведении, постоянно привлекают внимание исследователей, связаны с проблемами теории права и государства, в частности с исследованием источников права. Независимо от того, признается или не признается за судебной практикой, в том числе и за постановлениями Пленума Верховного Суда РФ, качества источника права, фактически они таковыми являются и имеют огромное значение для отечественной правовой системы, поскольку:

¹ Лучин В.О. Указ соч. С. 108

² К.К. Гасанов, В.Н. Белоновский Избирательное право: пособие для студентов вузов. М., 2006. С. 77

³ Конституционные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации: Учебник / Под ред. И.О. Тиунова. М.: Норма, 2005. С. 463

⁴ См. : Кутафин О.Е. Указ соч. С. 144

- судебная практика является составной юридической практики и всей правовой системы Российской Федерации;

- разъяснение высшей судебной инстанции толкования и применения правовых норм обеспечивает единство и единообразие судебного правоприменения;

- в процессе правоприменительной деятельности обнаруживаются и устраняются пробелы действующего законодательства;

- судебной практикой проверяются эффективность правовых норм, выясняется потребность в совершенствовании отдельных нормативно-правовых норм;

- обобщение и анализ судебной практики позволяет выявить закономерности и тенденции развития правоприменительной деятельности, определить пути ее совершенствования.

Специалисты избирательного права высказали мнение о том, что решения Конституционного Суда РФ являются новым видом источника -надзакондательного-конституционного. Как отмечают авторы, решения Конституционного Суда РФ, непосредственно затрагивающие проблемы политической правосубъектности граждан, «формально образуют новый (надзакондательного-конституционный) источник избирательного права».¹

Существует множество проблем, связанных с реализацией судебной практики, в том числе в избирательном законодательстве. К сожалению, в цепочке «избирательное право-судебная практика- законодатель» последний не всегда оказывается на высоте. Как отмечали исследователи, «законодатель не всегда принимает во внимание недостатки избирательных законов, выявленные при рассмотрении избирательных споров в судах общей юрисдикции, в результате чего создаются условия для возникновения новых избирательных конфликтов»²

Но в этой проблеме более активного совершенствования законодательства путем обобщения судебной практики есть и другая сторона, на которую обратил внимание И.В. Галушко, а именно влияние самого законодательства на совершенствование судебной практики. «Низкое качество принимаемых нормативных правовых актов, неверное их разъяснение способствуют, в свою очередь, неудовлетворительному претворению предписаний в жизнь судебной практикой, существенно замедляет и затрудняет процесс формирования в России цивилизованного гражданского общества и правового государства»

¹ Веденеев Ю.А., Лысенко В.И. Современное избирательное право и решения Конституционного Суда Российской Федерации: Юридическая динамика // Избирательное право и избирательный процесс в решениях Конституционного Суда Российской Федерации (1992-1999) / Сост. Ю.А. Веденеев, В.И. Лысенко, Б.А. Страшун, Отв. Ред. А.А. Вешняков, М.: Норма, 2000

² Диденко Ю.Ю., Соломоницина И.О. Анализ влияния судебной практики на развитие избирательного законодательства Российской Федерации // Вестник ЦИК России, 2003. № 2 (140). С. 85

Нередки ситуации, когда различные судебные инстанции по—разному не только толкуют правовые нормы, но и принимают совершенно противоположные решения по одному и тому же делу.

Независимо от официального признания судебной практики как источника права она реально порождает юридические нормы, преодолевая имеющиеся многочисленные недостатки, пробелы или разногласия в законодательстве, способствует целенаправленному юридическому изменению электоральных отношений.

Бикситова Ж.А. Некоторые аспекты судебной практики как элемент правовой действительности

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

История развития российского государства и права свидетельствует о роли судебной практики как ориентира деятельности судебных органов. Суды, создавая данный вид юридической практики, тем самым обеспечивают свою деятельность соответствующими направлениями для правильного рассмотрения судебных дел, единообразного применения действующего законодательства, его конкретизации и толкования, восполнения пробелов. Судебная практика содержит в себе опыт применения действующего законодательства по наиболее значимым социально-экономическим и правовым вопросам.

Действительная защита прав и интересов граждан возможна лишь в случае теоретического осмысления, законодательного закрепления и практического взаимодействия независимых, взаимодополняющих законодательных, исполнительных и судебных органов государственной власти. Мировой и российский опыт теоретического обоснования и практического внедрения данной проблемы до сих пор крайне противоречив и неоднозначен. В настоящий период, во время увеличения коллизий правовых норм, роста преступности и правонарушений детальное исследование данной проблемы особенно актуально.

Многие авторы в процессе развития юридической мысли в России и за рубежом исходили из предположения о том, что судебная практика, возникающая в результате судебной деятельности, занимает как бы среднее, промежуточное положение между обычаем и законом, имея много общего как с обычаем, так и с законом. Некоторые ставят знак тождества между такими понятиями как судебная практика и судебный прецедент. Но если более подробно рассмотреть эти два правовых явления становится очевидным тот факт, что между судебным прецедентом и сложившейся судебной практикой нельзя ставить знак равенства.

Судебный прецедент – специфический правовой феномен, обеспечивающий эффективность, предсказуемость и единообразие судебной практики. Эффективность выражается в скорости вынесения решения на основе рассмотренных ранее аналогичных дел. Предсказуемость проявляется таким образом, что знание существующих прецедентов позволяет, как сократить количество рассматриваемых в судах дел, заранее определив их исход, так и разработать в соответствии с предыдущими прецедентами правовое основание дела. Единообразие означает один и тот же подход к аналогичным делам на основе прецедента.

Судебные прецеденты, имеющие значение нормы права, могут создаваться лишь высшими судебными инстанциями. В настоящее время общее представление об английской доктрине прецедента сводится к

следующему: каждый суд обязан следовать решению более высокого по положению суда, а апелляционные суды (кроме Палаты лордов) связаны своими прежними решениями.

Таким образом, прецедент – это нормообразующее правило поведения, закрепленное судом высокой инстанции. Прецедентами становятся лишь те судебные решения, которые используются впоследствии как твердое основание для решения других подобных дел по аналогии в фактах и обстоятельствах с целью достижения единообразия в судебной практике.

Судебная практика, по мнению С.Н. Братуся и А.Б. Венгерова, представляет собой единство:

- того вида судебной деятельности, по применению правовых норм, который связан с выработкой правовых положений на основе раскрытия смысла и содержания применяемых норм, а в необходимых случаях их конкретизацией и детализацией:

- специфического результата, итога этой деятельности (самих правовых положений).

Значит, судебная практика – одновременно и динамика указанного вида судебной деятельности, и ее статистика.¹

А.В. Малько и В.И. Карташов представляют юридическую практику как единство правовой деятельности и сформулированного на ее основе социально-правового опыта.

Одни авторы отождествляют судебную практику с судебной деятельностью, другие относят к ней объективированный опыт этой деятельности, третьи понимают под судебной практикой единство судебной деятельности и ее объективированных итогов. Представляется, что «однобокое» понимание судебной практики является ошибочным. Также нельзя назвать корректным понимание судебной практики как единства судебной деятельности и итогов этой деятельности, поскольку это ведет к объединению несовместимых понятий, то есть понятий, объем которых не совпадает, что является грубейшим нарушением законов логики. Необходимо различать судебную практику в динамическом смысле, то есть судебную деятельность по применению норм права к конкретным жизненным ситуациям, и судебную практику в статическом смысле, под которой следует понимать выработанные в результате этой деятельности правовые положения. Таким образом, судебная практика в динамическом и статическом смысле являются не структурными элементами единой категории «судебная практика», а относительно самостоятельными правовыми явлениями, хотя неразрывно связанными друг с другом.

Изучение судебной практики, как элемента правовой системы, невозможно без анализа вопроса о формах ее существования, обусловленных специфическими юридическими закономерностями, т.е. способах выражения правовых положений, вырабатываемых судебной практикой.

¹ Судебная практика в советской правовой системе. / Под ред. С.Н. Братуся. – М., 1975. – С. 16-17.

Судебная практика как объективное правовое явление выступает в определенных, устойчивых формах, четкое разграничение которых позволяет осуществлять ее систематизацию. Под систематизацией судебной практики С.Н. Братусь и А.Б. Венгеров понимают справочную работу по учету судебной практики в ее различных формах, сосредоточение по определенной системе в одном подразделении (в судах, в прокуратуре, научных или других учреждениях) документов, отражающих руководящие разъяснения, определения или постановления судебных органов. Можно сказать, что в процессе систематизации происходит определенное накапливание и последующая классификация устоявшихся правовых положений, выраженных в различных формах. В правовой системе общества, в рамках ее пространственной структуры, одновременно существуют и функционируют различные типы, виды и подвиды юридической практики.

Так, В.Н. Карташов предлагает следующую классификацию этого правового феномена. В зависимости от характера, способов преобразования общественных отношений он различает правотворческую, правореализационную (правоисполнительную, правоприменительную и т.п.), распорядительную, интерпретационную и другие типы практики. В процессе правотворческой практики происходит разработка, издание и совершенствование нормативно-правовых предписаний. Правоприменительная практика представляет собой единство властной деятельности компетентных органов, направленной на вынесение индивидуально-конкретных предписаний, и выработанного в ходе такой деятельности правового опыта. Распорядительная практика складывается из распорядительной деятельности управомоченных на то субъектов и накопленного в процессе этой деятельности юридического опыта. Содержанием интерпретационной практики являются сформулированные правовые разъяснения и правоположения.

В функциональном аспекте В.Н. Карташов выделяет правоконкретизирующую, контрольную, правосистематизирующую и иные типы практики. Всем этим типам практики присуще одно общее свойство: они изменяют общественные отношения с помощью правотворческих, правоприменительных, распорядительных и праворазъяснительных средств, способов и методов. Далее автор предлагает каждый тип юридической практики разделить на определенные виды и подвиды. Таким образом, правоприменительную практику можно разделить на оперативно-исполнительный и юрисдикционный виды. Юрисдикционная практика делится на превентивную, карательную и другие подвиды.

В зависимости от субъектного состава, юридическая практика делится на законодательную, судебную, следственную, нотариальную и другие виды практики. Судебная практика, в свою очередь, делится на практику Верховного Суда Российской Федерации, областных, городских, районных судов. В зависимости от подведомственности дел судами, различают практику конституционных, общих и арбитражных су-

дов. В зависимости от категории разрешаемых дел выделяют судебную практику по уголовным, административным, гражданским делам.

В современных правовых системах законодательство и, зависимые от него, прецеденты являются основными и конкурирующими источниками права. Подчиненный, зависимый характер проявляется в возможности при помощи закона лишить прецедент юридической силы, прекратить его существование. В английском и американском праве, прецедент выступает в качестве главного источника права, существует наравне с законодательством и, по сути, его можно рассматривать как созданную судом при рассмотрении конкретного дела правовую норму. Подобное сочетание в рамках одной правовой системы, и стоящих в одном ряду, казалось бы, разнородных элементов, имеет свои преимущества и недостатки. Стоит отметить, что прецедентная система права обладает наибольшей гибкостью, определенностью и точностью. Данные характеристики присущи всему процессу практического функционирования данной системы, в частности, это можно проследить на примере разрешения судьями конкретных дел, в которых имеются решения многих конкретных ситуаций. Столкнувшись с вопросом, который уже получил решение, судья должен его признать, при этом существует возможность отклонить решение или уклониться от него, если дело отличалось по существу, и, соответственно, выделить ошибочное решение и ограничить его действие.

При всем кажущемся удобстве данной правовой системы негативным фактором становится все возрастающее число прецедентов. Для того, чтобы иметь наиболее полную картину действующего права, юрист-практик или судья должен быть знаком не только со всеми этими нормами, но и со всеми сборниками решений Верховного суда. Процессуальные сроки для рассмотрения каждого конкретного дела имеют свои временные ограничения, в результате чего адвокаты и судьи иной раз не могут вовремя подобрать нужный им прецедент, так как какие-то прецеденты не успели попасть в поле их зрения.¹ Соответственно, в суде при рассмотрении каждого конкретного дела довольно сложно отыскать необходимый в данном случае прецедент, в результате, нередко на практике имеют место факты появления схожих, а иногда и конкурирующих прецедентов.

Э. Колоколова и Е. Мартыничик полагают, что в нашей стране уже длительное время вполне легально действует судебный прецедент, правда он выступает, прикрывая свое существование различными легальными формами. Одной из таких форм справедливо можно считать постановления Пленума Верховного Суда. В свое время пленумам Верховного Суда СССР и Верховного Суда РСФСР было предоставлено право давать, в пределах имеющихся полномочий, руководящие разъяснения по вопросам правильного и единообразного применения законодательства,

¹ Максимов А.А. Прецедент как один из источников английского права //Государство и право. – 1995. - №2. – С. 103.

которые считались обязательными для нижестоящих судов, что можно считать одним из видов судебного правотворчества. В такого рода разъяснениях пленумов зачастую содержались толкование законов, восполнение имевшихся в них пробелов, устранения противоречий. Иначе говоря, пленумы названных судов осуществляли судебное правотворчество, на что не были уполномочены законодательством, которое предоставляло им лишь право законодательной инициативы или обращения в компетентные органы с ходатайством (представлением) о толковании законов.¹

В.В. Яров в работе «Юридические факты в механизме реализации норм права» приходит к выводу, что в условиях возрастания роли договорных отношений, распада прежней правовой системы, наличия большого числа субъектов, находящихся в отношениях координации, судебная власть может сыграть в определенной мере роль интегрирующего начала.

Суды путем прецедентного регулирования способны оказать позитивное воздействие на становление новой правовой системы, выработку единых общих правил поведения в конкретных фактических ситуациях. Складывающаяся судебная практика не только будет выступать в качестве предварительной ступени к последующему нормативному регулированию, но и сама должна стать непосредственным источником такого регулирования.

Наиболее полный анализ юридической практики и в частности судебной практики можно сделать с учетом исследования ее связи с юридической наукой. Согласно В.П. Реутову, при помощи юридической науки правовоположения, вырабатываемые судебной практикой, могут впоследствии восприниматься законодателем и становиться полноправными нормативными актами. По его мнению, достаточно развитая юридическая наука – это и «отборочный пункт», и объединяющий фактор, и формулирующее средство при восприятии законодательством данных практики. Теоретические знания не только играют информационную, критическую и прикладную роль, но и обеспечивают окончательную «отработку» положений практики, формулирование их в качестве юридических норм, введение в единую правовую систему. Здесь В.П. Реутов наблюдает своеобразную закономерность: чем ниже степень объективизации юридической практики, тем незаменимой и ответственной роль науки в своевременности, полноте и точности учета потребностей и нужд практики.²

Юридическая наука и практика на протяжении всей истории развития общества взаимно обогащали и дополняли друг друга. Научные знания проникают в повседневную практическую деятельность людей во

¹ Колоколова Э., Мартынич Е. Прецедентное право: от советской идеологии к международной практике // Российская юстиция. – 1994. - № 12. – С. 21.

² Реутов В.П. Стадии воздействия юридической практики на развитие законодательства // Правоведение. – 1970. – № 3. – С. 116.

всех сферах общественной жизни, при этом требуется глубокий научный анализ данного процесса и укрепление связей научно-исследовательской деятельности с нуждами практики. Любое научное исследование должно опираться на практику, иметь практическую ценность. В.И. Леушин следующим образом описывает взаимосвязь юридической науки и практики: «Важнейшей специфической особенностью взаимодействия является то, что данные науки не могут прямо и непосредственно войти в практику, ибо последняя основывается на законе и не может отклоняться от его требований. Правда, это касается не всех научных данных. Научные результаты, которые не противоречат действующим правовым нормам, могут быть внедрены в практику через канал доктринального толкования и принятия этого толкования органами, применяющими право. В тех же случаях, когда научные результаты расходятся с действующим законодательством, они могут быть воплощены в жизнь только через деятельность законодателя, изменяющего содержание действующего права».¹

Однозначно, никакой суд, даже в системах прецедентного права, не вправе изменять содержание закона, внося в его текст какие-либо исправления и коррективы, так как это относится к исключительной компетенции законодательной власти. Но суд, приводя цитату Цицерона, является учреждением «говорящего права». Он способен, с опорой на закон, используя механизмы толкования и аналогии и, в меньшей степени - постигая правовую суть данной жизненной ситуации, восполнять то, что оказалось не по силам закону или просто не сделано данным законодательным актом и не делается в настоящее время в законодательном порядке вообще.

В юридических системах романо-германского права действует принцип верховенства закона, соответственно, в случаях разрешения спорных ситуаций, требующих принятия квалифицированного решения, действует не прецедент, а закон. Такое положение, безусловно, является оправданным для сферы публично-правового регулирования, при соотношении закона и положений судебной, административной практики. В сфере частного права, наряду с вспомогательной функцией судебной практики, становится все более очевидной, существующая в практической жизни ее правосозидающая функция, то есть судебная практика выражает восполнительную роль по отношению к закону.

Известный швейцарский ученый, видный представитель западной социологии права Е. Хубер утверждает, что в своем генезисе право опирается на идеи и реалии. Идеи служат источником постоянного стремления правопорядка к справедливости, с их помощью формируется разумный порядок социальных интересов, и, наконец, они регулируют общественные отношения посредством законодательной реализации образа справедливости, содержащегося в правосознании. Реалии – это фактические отношения, реальные силы, с которыми необходимо считаться при

¹ Леушин В.И. Юридическая практика в системе общественных отношений. – Красноярск. 2004. – С. 135.

формировании любого сообщества, независимо от какой бы то ни было идеи. Обусловленность законотворчества реалиями проявляется в том, что реалии определяют законотворчество «извне», влияя на формирование правовых положений самим наличием фактов действительности, данных сознанию законодателя посредством опыта. Идеи же содержатся в рациональном сознании законодателя, определяя его деятельность «изнутри».

По мнению Е. Хубера, законотворчество, в первую очередь, имеет дело с социальными интересами, т.е. конкретными отношениями, которые не только подвержены объективным естественным изменениям, но и преобразуются под влиянием субъективных человеческих устремлений. Законотворчество нацелено на конкретную развивающуюся реальность, и хотя законодатель создает абстрактные правила, реализация их проходит лишь в конкретных отношениях, каждое из которых должно быть учтено правовыми нормами. Рассматривая зависимость права от реальных отношений, Е. Хубер полагает, что не существует никакого более или менее устойчивого права, а есть лишь непрерывно изменяющийся образ права. При этом остается неизменным факт зависимости законотворчества от реальных отношений. Фактические отношения воздействуют на законотворчество не только в качестве интересов и потребностей, которые должны упорядочить в соответствии с идеей права и которые именно в этом аспекте вынуждают законодателя учитывать и выражать в праве тот или иной порядок отношений, но и в том смысле, что эти фактические отношения составляют необходимые внешние предпосылки любого законотворчества. Е. Хубер подчеркивает, что существуют обстоятельства, которые законодатель во всех случаях не может не принимать во внимание, даже если фактические интересы случайны в своем возникновении, тем не менее, в них заключены условия законотворчества, стоящие над случайными явлениями. Это – факты, лежащие в основе интересов и потребностей. Если последние могут изменяться как ветер в розе ветров, когда название меняется из-за перемены направления, то сам факт атмосферного движения остается неизменной реальностью. Точно также обстоит дело с предпосылками, с необходимостью обуславливающими законотворчество «извне». Лишь эти факты имеют значение для абстрактного постижения сущности законодательства.¹

Природа права состоит в том, что оно обязано своевременно и адекватно реагировать на изменяющиеся условия общественной жизни. Закон, охватывая многообразие жизненных ситуаций при помощи нормативных обобщений, все же не в состоянии предоставить для каждого конкретного казуса примерный образец правильного решения. Поэтому необходимо согласиться с С.С. Алексеевым, который отмечает, что «история при всех замечательных образцах законодательного искусства еще не знает ни одного примера, который в полной мере, по всем пунктам от-

¹ Хубер Е. Реалии законодательства // Реферативный журнал «Общественные науки за рубежом». Серия: Государство и право. – 1999. – № 5. – С. 22-23.

вечал бы требованиям «живого права», смог бы и «на сейчас», и на будущее давать точные, исчерпывающие ответы на все вопросы. Не знает, и в идеале никогда не будет знать».¹

Используемая литература:

1. Алексеев С.С. Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. – М., 2000. – С. 117.

2. Братусь С.Н. Судебная практика в советской правовой системе. / Под ред. С.Н. Братуся. – М., 1975. – С. 16-17.

3. Максимов А.А. Прецедент как один из источников английского права // Государство и право. – 1995. - №2. – С. 103.

4. Колоколова Э., Мартынчик Е. Прецедентное право: от советской идеологии к международной практике // Российская юстиция. – 1994. - № 12. – С. 21.

5. Реутов В.П. Стадии воздействия юридической практики на развитие законодательства // Правоведение. – 1970. – № 3. – С. 116.

6. Леушин В.И. Юридическая практика в системе общественных отношений. – Красноярск. 2004. – С. 135.

7. Хубер Е. Реалии законодательства // Реферативный журнал «Общественные науки за рубежом». Серия: Государство и право. – 1999. – № 5. – С. 22-23.

¹ Алексеев С.С. Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. – М., 2000. – С. 117.

Бикситова Б.С. Правопонимание судебной практики как научной категории

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Последние пятнадцать лет в российской правовой системе идут интенсивные качественные преобразования, которые обусловлены изменением характера отношений гражданского общества и государства, повышением роли правовых начал в функционировании всех сфер общественной жизни, изменением отношения к праву, его роли и возможностям. Эти преобразования выражаются в развитии законодательства на качественно новых принципах, расширении сферы применения права и его реализации, повышении в связи с этим роли органов, осуществляющих правотворческую и правоприменительную деятельность. Этот процесс идет неровно, противоречиво, вызывая рассогласованность содержания и функционирования отдельных элементов российской правовой системы.

Одной из основных причин такого состояния правовой практической деятельности является недостаточно эффективное воздействие (влияние) правовой теории на практику, следствием чего является движение практики методом проб и ошибок, а не на основе уже понятых наукой закономерностей развития правовой системы. Это в значительной мере обусловлено нечеткостью, расплывчатостью многих современных теоретических конструкций, в том числе ключевых.

Наиболее ярко и рельефно проблемы отечественного правопонимания нашли отражение в дискуссии о том, является ли судебная практика источником (формой) права в РФ, возможно ли признание судебного прецедента.

Некоторые авторы, в том числе и практики, склоняются к мнению, о необходимости признания всей судебной практики, особенно ее элементов, отражающих долговременный опыт применения права, выраженный авторитетными инстанциями, источниками права. Так, одно время рассматривалась позиция, что решение суда, вступившее в законную силу, есть норма права. Эти положения еще во времена советской теории права нашли возражения в монографии «Судебная практика в советской правовой системе» под редакцией С.Н. Братуся.¹

Представляется, что под судебной практикой следует понимать деятельность, реализуемую органами судебной власти государства (как системой судов, так и их должностными лицами) в целях осуществления правосудия, протекающую, как правило, в различных процессуальных формах, регламентированных законодательством и правовыми обычая-

¹ См.: Чечина Н.А. Судебное решение как акт государственной власти // Ученые записки ЛГУ. 1954. № 182. С.139.; Братусь С.Н., Венгеров А.Б. Судебная практика в советской правовой системе. М., 1975. С.16.

ми, в результате которой происходит достижение результатов (частных задач) правосудия. К таковым можно отнести формирование объективированного опыта разрешения юридических дел, реализацию норм права применительно к индивидуальным отношениям и формирование в результате правопорядка, признание государством юридических фактов, разъяснение и толкование норм права применительно к конкретным ситуациям, проверку адекватности тех или иных нормативных актов в системе законодательства страны, осуществление судебного контроля действий и решений органов власти и т. д.¹

Полагаем, что такое определение охватывает все основные компоненты судебной практики, а также способно служить исследованиям сущности, социального назначения и функций судебной практики, системных связей, в которых она находится с иными компонентами правовой реальности. Следует отметить необходимость целостного подхода к данной категории, учет в определении всех ее сторон, обладающих различным наполнением, но составляющих вместе полное содержание судебно-практической деятельности.

Считаем возможным выделение ряда признаков судебной практики:

1. Судебная практика выступает разновидностью практики вообще, а также более специализированных категорий социальной практики, социально-политической практики, юридической практики, правоприменительной практики, вследствие чего ей присущи все особые признаки указанных феноменов (мы не будем останавливаться на этом подробно).

2. Судебная практика направлена на преобразование реальности в форме осуществления правосудия, то есть рассмотрения и разрешения различных категорий юридических дел, перечень которых установлен в процессуальном и ином законодательстве государства или, в ряде случаев, следует из правового обычая или судебного прецедента.

1. Судебная практика носит сугубо правовой характер, что выражается в строгой правовой регламентированности данной деятельности, фиксации в позитивном праве оснований, формы, результатов, значения осуществления судебно-практической деятельности.

2. Судебная практика функционирует в обширной сфере социальной реальности, имея дело с многообразным спектром общественных отношений, вследствие чего имеет подвиды, связанные с регламентацией различных форм судебной деятельности действующим правом. Так, правосудие осуще-

¹ См.: Общая теория государства и права / Под ред. М.Н. Марченко. М. 1998. Т.2. С. 344 - 346; Карташов В.Н. Методика изучения и обобщения юридической практики. Ярославль. 1995; Он же. Юридическая деятельность. Проблемы теории и методологии. Автореф. дис., д-ра юрид.наук. М., 1990; Он же. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. Саратов. 1989.

ствляется в формах гражданского, уголовного, конституционного правосудия, а также правосудия по делам, вытекающим из административных правонарушений.

3. Судебная практика реализуется посредством деятельности специальных органов судебной власти и является их исключительной прерогативой.

Центральным компонентом структуры судебной практики является ее цель, обуславливающая содержание иных компонентов и их системные связи, Таковой является осуществление правосудия. «Правосудие является видом государственной деятельности, направленной на рассмотрение и разрешение различных социальных конфликтов, связанных с действительным или предполагаемым нарушением права. Правосудие отличается рядом специфических признаков, состоящих в том, что оно осуществляется от имени государства, специальными государственными органами - судами, посредством рассмотрения в судебных заседаниях гражданских, уголовных и иных дел в установленной законом процессуальной форме»¹.

Осуществление правосудия в качестве основной цели судебной практики предполагает реализацию в ходе этой деятельности и ряда специфических задач, которые отражаются в результатах практики. Поскольку целеполаганием практики вообще является преобразование объективной реальности, то в этом отношении целью представляется та идеальная модель объективной реальности, которая обусловлена содержанием преобразующей практики и на достижение которой направлены действия ее субъекта.

Судебная практика является разновидностью государственно-властной деятельности, в связи с чем, ее осуществление защищается силой государственного принуждения.

- 1. Судебная практика осуществляется в предусмотренных законодательством специфических формах, которые служат полному, всестороннему и объективному разрешению стоящих перед ней задач. Например, рассмотрение и разрешение дел происходит в строгой процессуальной форме. Специальные формы существуют и для обобщения судебной практики вышестоящими судами и выработки рекомендаций.
- 2. В ходе судебной практики происходит формирование и обобщение социально-правового опыта разрешения дел, накопленного в течение времени. Объективированные формы отражения такого обобщенного опыта выступают необходимым социально-историческим компонентом судебной практики, важным источником изучения и познания права.
- 3. Судебная практика имеет иерархический характер, что выражается в специфической системе построения институтов судебной власти, разделении судов на инстанции, реша-

¹ Кутафин О.Е. Конституционное право России. М., 1995. С. 441.

ющие различные частные задачи в общем процессе реализации правосудия.

- 4. Представляется, что данная система признаков отражает основные существенные стороны судебной практики. В то же время не исключена конкретизация, развитие приведенного перечня, поскольку каждый признак является в свою очередь системным образованием и отражает комплекс суждений, относящихся к сущности судебной практики.

Судебная практика предстает комплексным, сложным образованием, что обусловлено прежде всего ее природой как разновидности социальной практики.

Итак, в качестве целеобразующего, логического компонента судебной практики мы рассматриваем действующую в государстве совокупность логических суждений судебных органов о применении тех или иных норм материального права к тем или иным конкретным обстоятельствам или о законности и обоснованности таковых суждений, вынесенных иными судами, а также о толковании Конституции РФ, содержащихся в завершающих судебный процесс актах соответствующих органов судебной власти (судебном решении, постановлении или приговоре, реализующих функцию разрешения юридических дел по существу), обладающих свойствами законной силы, общеобязательности, исполнимости, неопровержимости.

Следует иметь в виду, что в иных правовых системах, содержащих иные доктрины судебной практики и возлагающих на нее иные цели (обуславливающие другую ее конкретно-историческую сущность как социальной практики), логическая основа практики может иметь иное содержание. Например, подобная закономерность прослеживается в связи с доктриной прецедента в странах англо - саксонской системы права. Каждое судебное решение в данной системе должно иметь три части; постановляющую (излагает установленные по делу факты), определяющую (правовые принципы, в соответствии с которыми надлежит решить дело), собственно решение (выводы, которые делает суд на основании применения положений права к установленным фактам). Такая структура практически совпадает со структурой решений суда в континентальной системе права, и, следовательно, совокупность «собственно решений» с необходимостью составляет логическую основу судебной практики английского суда.

В то же время, общепризнанной функцией ряда судебных решений в этих государствах является формирование обязательных при рассмотрении аналогичных дел иными судами и данным судом в дальнейшем правоположений, которые можно рассматривать как особого рода нормы права, В этой связи судебное решение имеет и иную структуру: в нем выделяются две неравнозначные части. Первое из них представляет часть решения, которое фиксирует правовую основу разрешения дела и формулирует общие правовые принципы, применяющиеся в ряде случа-

ев к разрешению аналогичных дел с другими лицами. Второе представляет все иные суждения суда, сделанные как бы попутно,

Профессор Р.З. Лившиц утверждает, что «с теоретических позиций закон перестал быть единственным выражением и воплощением права. И, следовательно, не только законодательство может рассматриваться в качестве источника права. Если судебная практика начала отражать и реализовывать гуманистические, справедливые, подлинно правовые начала, то отпали теоретические предпосылки для непризнания ее источником права»¹.

Р.З. Лившиц обращает внимание на то, что основополагающие решения, на базе которых складывается судебный прецедент, в той или иной форме апробируются Верховным Судом РФ или Высшим Арбитражным Судом РФ и публикуются. Именно опубликование судебного решения превращает это решение в основу прецедента, и эта черта сближает судебную практику с другими источниками права. Интересно, что автор обосновал такой тезис именно сменой отечественного правовопонимания: «Подчиненное место суда в обществе (с практической точки зрения) и нормативистский подход к праву (с теоретической точки зрения) обусловили непризнание судебной практики в качестве источника права». Однако поскольку с теоретических позиций закон перестал быть единственным выражением и воплощением права, поэтому «отказ от нормативизма как единственного правовопонимания дал теоретическую возможность признать судебную практику источником права»².

С.А. Иванов считает, что «судебные постановления могли бы составить особую группу источников трудового права, поскольку они способны оказать влияние на формирование всех актов правового регулирования труда, вплоть до законодательных»³. Соображения в пользу судебного прецедента высказаны и в статье Е. Мартынчика и Э. Колоколовой «Прецедентное право: от советской идеологии к международной практике», где авторы достаточно аргументировано отстаивают свою позицию, что «судебный прецедент является убедительным и авторитетным источником права»⁴. Исследуя его историю, они отмечают, что в советской правоприменительной практике использовался и непосредственно судебный прецедент. И. Калинина находит множество аргументов в пользу признания судебной практики источником права: «Теория разделения властей, гуманистические начала, отраженные в судебной практике, новая конституционная функция правосудия, особенности законодательной техники (использование понятий, требующих дальнейшего толкования), даже прямая легализация прецедента - все эти факто-

¹ Лившиц Р.З. Судебная практика как источник права // Судебная практика как источник права. М., 1997. С. 5

² Лившиц Р.З. Судебная практика как источник права // Журнал Российского права. 1997. №6. С.50.

³ Иванов С.А. Трудовое право переходного периода: новые источники // Государство и право. 1996. №11. С.52.

⁴ Мартынчик Е., Колоколова Э. Прецедентное право: от советской идеологии к международной практике // Российская юстиция. 1994. №12. С.21.

ры, безусловно, могут быть указаны в качестве необходимых прямых или косвенных признаков, свидетельствующих о признании роли судебного прецедента в качестве источника права»¹. С. Окунович полагает необходимым закрепление прецедента в качестве источника права, прежде всего, в пользу самих правоприменителей, но считает, что это противоречит принципу разделения властей: «Напрашивается вывод, что появление и закрепление судебного прецедента в России как источника права вполне оправданно, а главное - нужно для еще пока «зеленых», не в обиду будет сказано, судей. Но закрепить за судами правотворческую функцию значило бы нарушить конституционный принцип разделения властей...», М.В. Баглай, хотя и признает отсутствие в России формального прецедентного права, тем не менее считает, что суд с необходимостью осуществляет в процессе отправления правосудия и правотворчество: «Такое право при отсутствии прецедентности имеет значение только для данного дела, но все-таки оно есть право» и считает полезным признание прецедентных решений в России.²

Считаем, что признание судебной практики источником права значительно повысит роль суда и правосудия в жизни общества, придаст правовой системе динамизм, повысит эффективность применения правовых норм, впрочем, правовые позиции Конституционного Суда РФ уже признаны в качестве прецедента.

Отметим основные черты позиции признания судебной практики источником права: 1) нормативность практики (вернее ее формальных результатов как актов, содержащих нормы права) связывается с доктриной судебного прецедента; 2) указывается на судебный прецедент как факт объективной реальности России; 3) судебный прецедент и его нормативность являются следствием полномочий судов, как то: применение права по аналогии и прямое применение Конституции РФ, фактическое следование судами указаниям высших инстанций, обязательность и законная сила судебных актов как их свойства и др.

В литературе нашли отражение и взгляды противников этого мнения. Так, активную позицию занимает В.С. Нерсесянц³, указывающий на исключительно правоприменительный характер действий органов правосудия. Отстаивая нормативную форму права, он опровергает признание прецедента: так, отмена нормативного акта и признание неконституционности правовой нормы означают «применение заранее установленных законодателем правовых норм, а не создание судом норм права», а обзоры и обобщения судебной практики высшими ее инстанциями - «лишь авторитетная информация о правоприменительной практике, способ выражения правоприменительной политики по конкретным де-

¹ Калинина И. Магическая подкова российского прецедента // Бизнес-адвокат. 2003. №22. С.6.

² Баглай М.В. Вступительная статья // Судейское усмотрение. М. 1999.

³ См.: Нерсесянц В. С. У российских судов нет правотворческих полномочий // Судебная практика как источник права. М. 1997.

лам». Автор также указывает на недопустимость вторжения в российскую правовую систему чуждых нам элементов прецедентного права.

В целом надо отметить, что возражения против признания судебной практики источником права обоснованы следующими аргументами: 1) противоречие принципу разделения властей; 2) несогласованность с российской системой права как части континентальной, 3) конфликт с правотворческой деятельностью парламента, 4) противоречие принципу подчинения судей только закону и независимости судей,

В.В. Кошелева подробно анализирует сущность формирования суждений Конституционного Суда РФ и приходит к выводу, что они представляют собой толкование права путем его официального разъяснения. «Отсюда следует, что Конституционный Суд РФ создает не правовые прецеденты, а прецеденты толкования правовых норм, служащие образцом, примером при применении нормативных актов, содержащих в себе положения, аналогичные тем, которые рассматривались Конституционным Судом РФ»¹.

Не вступая в полемику с конкретными авторами, хочется высказать ряд общих соображений по данной проблеме.

1. Следует отметить, что при обосновании понимания судебной практики в качестве источника права не выполнен ряд методологических требований к обоснованию такого вывода, которые обусловлены требованиями научного подхода к проблеме. Так, практически не приводится четких определений сопоставляемых правовых явлений: источника (формы) права, судебной практики, судебного прецедента, прецедента толкования. Правотворческая роль суда обуславливается не в процессе анализа его цели и задач, а посредством ссылок на некое «фактическое состояние дел», труды зарубежных авторов (анализирующих собственные национальные правовые реалии) и произвольное толкование норм права РФ. Нет обоснования обязательности и всеобщности этих «нормативных» суждений, анализа и детального сопоставления таких категорий, как «законная сила судебного акта» и «общеобязательность».

2. Наблюдается также совершенно неверное с теоретических позиций отождествление судебного прецедента и судебной практики. Так, М.Н. Марченко указывает: «Несмотря на явные расхождения противоречия и расхождения в понимании некоторыми авторами судебной практики и судебного прецедента, в большинстве научных исследований эти явления и понятия рассматриваются как идентичные и взаимозаменяемые, выступающие к тому по общему правилу под одним названием «прецедент»². При этом автор ссылается на английское право и английскую доктрину. Многие авторы необоснованно распространили такое понимание судебной практики и на российскую действительность. Вместе с тем, необходимым свойством прецедента в отличие от иных сходных явлений является именно его нормативная обязательность, санкцио-

¹

² Марченко М. Н. сравнительное правоведение. М. 2001. С.396.

нированная государством. Именно из такого понимания исходит та правовая доктрина, в рамках которой получило становление и развитие это явление. Обязательность свойственна далеко не всем элементам формы судебной практики, а обусловлена, во-первых, особым статусом суда, выступающего субъектом издания прецедента, во-вторых, особой правовой природой прецедентного суждения, которое далеко не идентично тексту всего судебного решения.

Таким образом, даже в английском правопонимании доктрина прецедента весьма сложна и требует значительного опыта, в то время как российские юристы, не имеющие длительного исторического опыта работы на прецедентном поле, готовы безусловно признать прецедентами все решения российских судов. При этом даже не указывается основание прецедентности таких решений, то есть доказательство признания государством этих актов в качестве источника (формы) права.

3. Кроме того, смешивается содержание понятий «судебный прецедент» и «прецедент толкования». Необходимо определиться, какие же из анализируемых элементов судебной практики относятся к правоустановлению, а какие - к толкованию права, раз уж активно выдвигается и защищается идея обязательности судебных решений. Причем сделать это необходимо с теоретических позиций, показав сущностное отличие правотворчества от толкования права и доказав далее, что некоторые акты содержат в себе качественно новые нормы права, а не суждения о порядке применения официальных норм, а некоторые виды судебного толкования признаны государством официально обязательными. По нашему мнению, именно этот вывод можно сделать в отношении правовых позиций Конституционного Суда по толкованию им Конституции РФ.

Важно отметить следующее. В целом, обоснование теории «индивидуальных норм права» основано, как нам представляется, на той неверной посылке, что при решении юридической коллизии, суд полностью устраняет ее, создавая, таким образом, новое право, норму. Действительно, на первый взгляд кажется, что, устраняя спорность суждений нормативного характера или их толкований, необходимо установить какое-то общее правило, которое бы регулировало этот спор и далее, которое заняло бы особое место в правовой системе. Кажется, что именно суд, решая спорный вопрос толкования норм, именно такое суждение и производит.

При рассмотрении судом дела не происходит устранения коллизии норм или толкований норм, которое действительно предполагает заполнение «вакуума» новым нормативным суждением. Суд всего лишь преодолевает коллизию, и суждение суда - суждение о преодолении коллизии права или толкования только в рамках конкретного дела с конкретными субъектами. Поэтому финальное суждение суда по проблеме не носит нормативного характера, а пределы его действия обусловлены законной силой того формального акта, в который оно заключается. Проблема законной силы и ее соотношение с общеобязательностью так-

же детальным образом исследована наукой. Таким образом, суд преодолевает коллизию норм, нормативных актов или их толкований (как, например, Конституционный Суд при формировании своих позиций) только для данного конкретного дела. В этом случае финальное суждение о решении правовой ситуации становится обязательным для участников процесса по конкретному делу.

Возникает вопрос: как быть с прецедентами толкования, в качестве которых мы обосновали правовые позиции Конституционного Суда РФ? Но и их природа и социальное назначение никак не противоречат нашему пониманию проблемы. Эти суждения наделены свойством общеобязательности, но общеобязательности именно в процессе дальнейшего применения истолкованного права. Они не обязательны для законодателя, который может собственным образом урегулировать коллизию, устранив ее. При этом решение проблемы законодателем может и не совпадать с позиций Конституционного Суда РФ. Иное понимание означало бы признание неизменности вынесенного однажды решения и безусловной подмены судебной властью законодателя. Решение законодателя может и совпадать с позиций КС РФ, и в этом случае признание нормативности судебных суждений означало бы признание возможности дублирования норм, возможности функционирования одновременно двух аналогичных норм по одному вопросу, что нарушает общие закономерности функционирования права, обусловленные самой его природой.

Итак, приведенные высказывания имели целью обосновать логическое и историческое несоответствие суждений, формируемых судебной практикой при рассмотрении конкретных дел в качестве норм права. Из изложенного логически вытекает несоответствие судебных суждений всех видов признакам правовой нормы, хотя бы уже признаку общеобязательности и нормативности. Кроме того, необходимо отметить и расхождение судебного суждения с правовой нормой по другим признакам. Такая норма не является обеспеченной силой государственного принуждения в отношении всех субъектов права, поскольку меры государственного обеспечения правосудия могут быть применены только к тем субъектам, на которых распространяется законная сила решения. Нельзя говорить и о государственной защите суждений, которые вышестоящие суды адресуют нижестоящим. В соответствии с конституционным принципом правосудия судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ и иным законам. Этот перечень нельзя толковать расширительно. Следовательно, признавая и обеспечивая такие суждения собственно государственными (не корпоративными) мерами, пришлось бы признать нарушение нашим государством Конституции и дискредитацию принципа верховенства права.

Кроме того, судебное суждение ни при каких обстоятельствах нельзя признать соответствующим признакам формальной определенности и логической структурированности. Даже опытная в вопросах преце-

дентного права англо-саксонская правовая доктрина, как отмечалось выше, испытывает значительные сложности при установлении собственно прецедентной части решения. И эти трудности объективно не являются преодолимыми, что обусловлено самой природой правосудия, раскрытой выше. Сущность правосудия состоит в решении споров, и собственно цель этой деятельности придает ей ту форму, которая соответствует именно разрешению конкретного спора, а не формированию нормативного суждения. Подгонка формы решения под нужды прецедентного права в случае его признания означала бы существенную деформацию осуществления правосудия, ненужные сложности в осуществлении применения права по конкретным делам. В судебном суждении сложно установить гипотезу, диспозицию и санкцию, это требовало бы специального многолетнего навыка работы в суде и толкования права. Не представляется, что большинство специалистов, практикующих в области применения права в России при современном уровне юридического образования и состояния правопорядка, способны принять на себя такую ответственную и сложную работу. Сходные мысли высказывает и С.В. Бошно: «Передача судам правотворческих полномочий, как требует того доктрина прецедентного права, потребовала бы принципиальной реформы судебной системы, новой кадровой подготовки судей и даже психологической переориентации общества»¹.

Итак, на основании изложенного мы полагаем правомерным сделать вывод, что согласно принятому в отечественной науке правопониманию судебная практика не выступает ни при каких условиях носителем норм права. Это обусловлено самостоятельной природой судебной практики. В то же время такое правопонимание не затрагивает, как считают некоторые авторы, нового понимания сущности и содержания права в его отличии от государственной воли, поскольку нормативность является лишь одной из сторон права, необходимым образом фиксируя и обеспечивая правовые положения, которые без этого так и оставались бы философскими и нравственными идеями, не имеющими прямого влияния на общество.

¹ Бошно С.В. Судебная практика – источник правотворчества. Роль судебной практики в правовой системе // Российский судья. 2001. №3. С.5.

Геворкян Т.В. Обобщение судебной практики как предмет науки гражданского права и ее роль в образовании

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

При рассмотрении вопроса об источниках гражданского права в литературе упоминается о таком источнике, как судебная практика. Но в отличие от стран англо-американской правовой системы, где роль основного источника права выполняет судебный прецедент – вступившее в законную силу решение суда по конкретному спору, в Российской Федерации судебный прецедент формально не считается источником права, хотя значение судебной практики разрешения тех или иных споров и здесь весьма велико¹.

Под судебной практикой понимается многократное, единообразное решение судами одной и той же категории дел. Но судебная практика не имеет обязательной силы, так как судья, рассматривая дело, по которому сложилась судебная практика, может вынести и иное решение, если убежден, что сложившаяся практика не соответствует закону².

Но обобщением судебной практики занимаются не только суды среднего звена, но и Пленумы Верховного суда и Высшего Арбитражного суда, которые на основе обобщения материалов судебной практики дают судебное толкование законодательства, разъясняют, как его следует применять к соответствующим гражданским отношениям. Эти разъяснения носят обязательный характер для судов общей юрисдикции и системы арбитражных судов соответственно. При этом обобщения судебной практики Верховным судом и Высшим Арбитражным судами не являются источниками гражданского права, так как не создают новой нормы права³, они являются актами применения права. Постановления Пленума разъясняют те нормы материального и процессуального права, которые у судов вызвали неоднозначное понимание. Причем такая неоднозначность вызывается тем, что законодатель, разрабатывая абстрактную норму права, не всегда может на будущее предусмотреть, как эта норма будет применяться, реализовываться. Постановления Пленума же хоть и не являются источником права, но играют важную роль в обеспечении единообразного применения и понимания гражданского законодательства.

В.П. Реутов в монографии «Стадии воздействия юридической практики на развитие законодательства» указывает, что процесс правового регулирования предполагает взаимодействие между правом и регулируемым им объектом – общественными отношениями. Нормы права и

¹ Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1.- 6-е изд./под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. - М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006.- С. 50.

² Гражданское право: учебник для вузов. Часть первая/ под ред. Т.И. Илларионовой, Б.М. Гонгало, В.А. Плетнева. - М.: Изд-во НОРМА, 2001.- С. 30.

³ Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1.- 6-е изд./под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. - М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006.- С. 51.

регулируемые ими общественные отношения представляют собой элементы системы, находящейся в равновесии. Управление общественными отношениями при помощи норм права относится к такому типу, который носит название управления по принципу обратной связи. Наличие механизма обратной связи между общественными отношениями и нормами права означает и наличие потока информации, накапливаемой юридической практикой и передающейся затем законодателю. Этот поток дает возможность изучать вопрос о социальной эффективности правового регулирования, о действенности существующих правовых норм. Получаемая в процессе юридической практики информация о степени социальной эффективности действующих норм права оценивается компетентными органами, в качестве таковых выступают, в частности, правотворческие органы. Получив соответствующую информацию, компетентный орган вносит необходимые коррективы в целях сохранения равновесия системы¹.

Как известно, предметом науки гражданского права является не только действующее гражданское законодательство, но и практика его применения. Уже отдельные индивидуальные акты применения норм права высшими судебными органами подвергаются научному комментированию под углом зрения их учета в будущем, при совершенствовании законодательства. Следовательно, обобщения судебной практики высшими судами создают благоприятные условия для развития науки, обеспечивая ее материалом для научных изысканий цивилистов, которые обретают возможность воздействовать на законодателя, указывая ему на необходимость принятия новых правовых норм, внесения изменений в уже существующие. Таким образом, выработанные в науке положения служат основой развития гражданского законодательства, его качественного улучшения.

На первый взгляд может показаться, что нет необходимости в комментировании Постановлений Пленума, ведь они сами являются официальными актами, в которых дается судебное толкование проблемных положений закона. Так, например, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 1994 г. № 7 «О практике рассмотрения судами дел о защите прав потребителей»² указывается, что его принятие было вызвано тем, что при рассмотрении данной категории дел у судов возникли вопросы, связанные с применением Закона РФ «О защите прав потребителей», требующие разрешения. Но содержащиеся в Постановлениях разъяснения могут быть не восприняты законодателем, то есть могут не войти в правовые нормы. Значение комментирования судебной практики учеными-цивиристами состоит именно в том, что они являются своего рода посредниками между судебной практикой и законода-

¹ Реутов В.П. Стадии воздействия юридической практики на развитие законодательства // Правоведение.- 1970.- № 3.- С.115-119.

² О практике рассмотрения судами дел о защите прав потребителей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 1994 г. № 7 // Российская газета. – 1994. – 26 ноября (№ 230).

тельным закреплением выработанных ею положений. Так как наука призвана оказывать помощь законодателю в выработке новых законов и совершенствовании законодательства.

Обратимся к примеру. В соответствии с п. 1 ст. 30 Закона РФ «О защите прав потребителей», потребитель вправе расторгнуть договор и потребовать возмещения убытков в случае наличия существенных недостатков в выполненной работе (оказанной услуге)¹. Но закон содержит довольно лаконичное объяснение того, что следует понимать под существенным недостатком товара (работы, услуги) – это неустранимый недостаток или недостаток, который не может быть устранен без несоразмерных расходов или затрат времени, или выявляется неоднократно, или появляется вновь после его устранения, или другие подобные недостатки.

В п. 15 Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 1994 г. N 7 «О практике рассмотрения судами дел о защите прав потребителей» более подробно раскрыто содержание данного понятия. Под существенными недостатками в выполненной работе (оказанной услуге) понимаются такие недостатки, которые делают невозможным использование результата работы (услуги) в соответствии с ее целевым назначением или не могут быть устранены в отношении данного потребителя, либо для их устранения требуются большие затраты труда и времени, либо делают результат работы (услуги) иным, чем предусмотрено договором, или когда после устранения недостатков они появляются вновь.

Но наука не остановилась на судебном толковании, а пошла дальше. Так, в комментарий Гувей А.Н. к Постановлению Пленума Верховного суда РФ «О практике рассмотрения судами дел о защите прав потребителей» указывается, что характеристика существенных недостатков, данная в Постановлении Пленума, касается анализа только признаков недостатков работ или услуг, но не товаров. В связи с этим нужно иметь в виду, что признаки существенных недостатков товаров указаны в п. 2 ст. 475 ГК и ими следует руководствоваться. Здесь же раскрывается понятие неустранимых и неоднократно возникающих недостатков, недостатков, появляющихся вновь после их устранения. Так, неустранимыми являются такие недостатки, которые ни стороны, ни третьи лица устранить не в состоянии. Неоднократными являются недостатки, которые появляются периодически, хотя мер по их устранению не принималось. Отмечается также, что следует отличать от указанных недостатки, проявляющиеся вновь после их устранения. Они характеризуются тем, что после их проявления товар без нового ремонта использовать невозможно².

¹ О защите прав потребителей: федер. закон от 07 февраля 1992 г. // СЗ РФ. – 1996. - № 3. - С. 14-20.

² Гувей А.Н. Комментарий к Постановлениям Пленума Верховного Суда РФ по гражданским делам. - 2001.

Как видим, даже судебная практика подвержена толкованию учеными-цивиристами.

Обобщения судебной практики благоприятно влияют и на развитие образования, так как гражданское право как учебная дисциплина предполагает знание не только правила поведения, закрепленного правовой нормой, но и объяснения того, какими причинами обусловлено вхождение данной правовой нормы в состав гражданского законодательства, умения объяснить сущность той или иной нормы права. Для достижения данной цели гражданского права как учебной дисциплины сложно переоценить значение Постановлений Пленума как официального источника толкования правовых норм. Как правило, разъяснения, данные высшими судебными органами, в несколько видоизмененном виде можно встретить при объяснении различных вопросов в учебниках по гражданскому праву. Их авторы зачастую ссылаются на обобщения судебной практики.

Таким образом, обобщения судебной практики оказывают значительное влияние на развитие науки гражданского права и образования.

Ежов В.А. К вопросу о формах народной юстиции в России второй половины 19 века

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

В конце 19 века известный русский юрист, сенатор, профессор Санкт-Петербургского университета И.Я. Фойницкий писал, что «построение суда, долженствующего ведать маловажные дела, есть вопрос величайшей трудности. Такие суды должны быть возможно более доступны населению и потому многочисленны; ими удовлетворяется большая часть населения, не приходя или приходя редко в соприкосновение с другими судами. В их руках поэтому должны будут лежать интересы огромного числа граждан»¹⁾.

В истории российского правосудия одним из наиболее интересных моментов является создание местной судебной организации в ходе государственных преобразований второй половины 19 века. Подчеркивая актуальность исследования данных вопросов, прежде всего, говорят о мировой юстиции, возрожденной в настоящее время. Ведь впервые организация мировых судов в России была проведена, именно, в ходе судебной реформы 1864 года. А обращение к историческому опыту и его осмысление является важным условием развития любых общественных и государственных институтов.

Гораздо меньше говорится о том, что мировые суды не были единственным элементом местной судебной организации. Несколькими годами ранее были созданы волостные суды для представителей исключительно крестьянского сословия. Основой их деятельности было Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости от 19 февраля 1861 г. По нему ежегодно на волостных сходах выбирались члены волостного суда числом от четырех до двенадцати, из числа выбранных в судебных заседаниях участвовало не менее трех судей. Это были крестьяне-мужчины не моложе 35 лет, никогда ранее не привлекавшие к уголовной ответственности, пользующиеся уважением своих односельцев и, по возможности, грамотные. Суд заседал раз в две недели по воскресеньям. Они разбирали споры и тяжбы между крестьянами ценою до ста рублей, а также «маловажные проступки» за которые могли приговорить виновных к общественным работам до шести дней или к денежному взысканию до трех рублей, или к аресту до семи дней к наказанию розгами до двадцати ударов²⁾.

¹⁾ Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства. – СПб.: Издательство «Альфа», 1996. – Т. 1. – С.300-301.

²⁾ Российское законодательство X-XX вв.: тексты и комментарии. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. – Т.7. Документы крестьянской реформы / отв. ред. О.И.Чистяков. – М.: Юридическая литература, 1989. – С.57-59.

Современный взгляд на эти суды выглядит следующим образом. «Они были сугубо сословными, выбирались крестьянами, состояли из крестьян и судили только крестьян. Крестьянин стал гражданином, и в формировании его гражданского сознания волостные суды имели большое значение... Законов крестьяне, как правило, не знали. Судьи руководствовались помимо закона обычаями, целесообразностью вынесения приговора, учитывая общественное мнение. Большинство приговоров отличали здравый смысл и практичность, хотя имели место и нелепости»¹⁾.

«Система волостных судов просуществовала с 1861 по 1917 г., т. е. более полувека. Статистика относительно судов, собранная имперской администрацией, показывает, что к помощи волостных судов обращалось огромное число сельских жителей, и что популярность этих инстанций среди крестьян постоянно крепла и ширилась. Если оценивать успех государственного учреждения по количеству обратившихся к его услугам, то волостные суды следует считать одним из величайших триумфов имперского государства. ... Одной из причин такой популярности волостных судов является доступность. В очень редких случаях сельские поселения находились от волостного суда далее, чем в предписанных правилами 12 верстах. Правила об устройстве волости как административной единицы гарантировали наличие большого числа судов, доступных для населения». Д. Бурбанк приводит данные, из которых следует, что в 1905 г. в Московской губернии волостные суды составляли почти 70 % от общего количества судов первой инстанции всех типов. И «путем предоставления адекватного количества судов, волостная судебная реформа внесла огромный вклад в укрепление правовой культуры сельских жителей»²⁾.

Особо скажем о так называемом «крестьянском праве». А. В. Васильев считает, что сохранение волостных судов, пользовавшихся специфическими источниками права, к коим можно отнести обычаи крестьянской общины, – это несомненное достоинство судебной реформы³⁾.

Отрадно отметить, что стали появляться публикации современных российских юристов, анализирующие практику деятельности волостных судов⁴⁾. При этом отмечается, что «защищая свои права на землю, крестьяне прибегали к самым разнообразным средствам доказывания. В ход шло все, и положения действующего закона, и приговоры сельских сходов, и свидетельские показания, и что особенно важно и интересно для нас – обычаи, получившие распространение в данной местности. Реше-

¹⁾ **Рогов, В.А.** История государства и права России IX-начала XX веков. – М.: Зерцало, ТЕИС, 1995.

²⁾ **Бурбанк, Д.** Правовая реформа и правовая культура: непризнанный успех волостных судов в имперской России // Правоведение. – 2003. – № 2. – С. 190.

³⁾ **Васильев, А.В.** Законодательство и правовая система дореволюционной России: учебное пособие для вузов / под ред. С.А. Комарова. – СПб.: Питер, 2004. – С.162-163.

⁴⁾ **Воробьева, Л.В.** Практика разрешения земельных споров в условиях общинного землепользования в России во второй половине XIX века // История государства и права. – 2006. – №3. – С.43-46.

ния дел по обычаю признавались законными высшими органами крестьянского управления»¹⁾.

Нельзя пройти и мимо публикаций, посвященных эволюции сельской юстиции, которые говорят о том, что в ходе преобразования местного суда в России в начале XX в. немалое внимание уделялось и волостному суду²⁾.

Все это говорит о том, что взгляд на волостные суды как исключительно отсталые учреждения уходит в прошлое. Сам по себе этот взгляд в нашей стране в ее недавнем прошлом был связан с идеологическими особенностями советской эпохи. С ним были солидарны и зарубежные исследователи, несмотря на противоположную идеологическую ориентацию. Ведь они оценивали реформы с либеральной точки. По словам британца Дж. Хоскинга «крестьяне оставались... субъектами правовой системы, отличной от той, которая вводилась для остального населения, подлежали юридической власти отдельных волостных судов, и по-прежнему к ним применялись телесные наказания, распространялась круговая порука. По-существу, крестьяне подвергались своего рода социальному апартеиду»³⁾.

Как ни парадоксально, в преодолении таких взглядов серьезную роль сыграли именно исследования современных зарубежных авторов⁴⁾.

Но справедливости ради отметим, что и до революции и в эмиграции российские правоведы никогда не обходили вниманием крестьянский суд. «Учреждение волостных судов в 1860-х годах в целом российская элита считала преобразованием неудавшимся» – пишет Д. Бурбанк⁵⁾. Положительное мнение этого исследователя мы уже приводили, и она сама признает, что ее точка зрения «резко отличается от взглядов просвещенного общества того времени»⁶⁾.

Но эта упрощенная картина. Оценки были разными. Известный исследователь проблем русского либерализма дает такую картину волостного суда. «Судопроизводство в деревнях были делом членов общины, избранных сельским сходом. Эти органы, разумеется, уполномочены были только по отношению к членам своего же сословия... Волостным судам сначала разрешалось, а позднее приказано было основывать и объяснять вынесенные ими по гражданским спорам решения не постановлениями всеобщего гражданского права, полноценного по отношению ко всем остальным сословиям, а местными правовыми обычаями.

¹⁾ Воробьева, Л.В. Указ. соч. – С.46.

²⁾ Авдеева, О.А. Волостной суд в системе органов общественного управления и суда начала XX в. // История государства и права. – 2006. – №7. – С.24–26.

³⁾ Хоскинг, Дж. Россия: народ и империя (1552-1917). – Смоленск: «Русич», 2000. – С.332-333.

⁴⁾ ⁰⁾ См., например: Бурбанк, Д. Правовая реформа и правовая культура: непризнанный успех волостных судов в имперской России // Правоведение. – 2003. – № 2. – С. 188-196.

⁵⁾ Бурбанк, Д. Указ. соч. – С. 188.

⁶⁾ Бурбанк, Д. Указ. соч. – С.190.

Нормы, согласно которым наказывались крестьяне, тоже не совпадали со всеобщими. За некоторые преступления крестьянам полагались наказания мягче, чем членам других сословий. Зато в других случаях крестьяне были наказуемы за поступки, за которые другим вообще не полагалось никакого наказания. Речь тут шла, главным образом, о некоторых видах безнравственного поведения, которые вообще не могли подпасть под категорию наказуемых проступков, например, неразумные траты или пьянство. Крестьяне, кроме того, подвергались видам наказания, уже упраздненным для других сословий. Так, волостные суды имели право приговорить членов своего собственного сословия не достигших еще возраста 60 лет – к телесному наказанию; это постановление оставалось в силе до 1904 года. ...

Нормы о наказаниях для крестьян чрезвычайно характерны. Наказание за безнравственное поведение и телесное наказание мог применять только волостной суд, члены которого по общепринятому мнению – уважаемые старые крестьяне, носители добрых старых традиций. Все это указывает на то, что, на крестьян смотрели, как на особый слой населения, как на группу, которая нуждается в воспитании и в опеке и нравственность которой особенно нужно предохранять. Совершенно неправильно было бы полагать, однако, что это стремление вытекало из убеждения в какой-то особенной безнравственности крестьян. Как раз наоборот. В основе стремления к опеке лежало представление, что крестьянин – простой, т.е. неиспорченный, чистый человек, что он (совсем так, как это понимали славянофилы и народники) – носитель особых нравственных и духовных ценностей. Именно поэтому считалось необходимым особо заботиться об его нравственности и ограждать его от всего безнравственного. Чрезвычайно странно звучит (а для нас вообще почти непонятно), что телесное наказание в волостных судах, наверное, так долго оставляли в силе потому, что уверены были, что лишение свободы, а особенно заключение в городе, деморализующе действует на крестьянина, потому что если он раз побывал в тюрьме, все другие крестьяне всю жизнь будут смотреть на него, как на вора, на плохого человека, на преступника, и что он сам будет так же на себя смотреть и, в конце концов, нравственно погибнет. Считалось что, наоборот, патриархальная порка, так сказать у себя дома, на самом деле имеет морально-воспитательное значение. На стремлении к особенно стойкому сохранению нравственности среди крестьянства покоится и полномочие общины большинством голосов исключать недостойных членов, что для них означало высылку в Сибирь»¹³⁾.

Мы привели такой обширный фрагмент не случайно. Он основан на глубоком понимании дореволюционной российской жизни, и показывает, насколько интересным и сложным явлением была волостная юсти-

¹³⁾ Леонтович, В.В. История либерализма в России. – М.: Русский путь-Полиграфресурсы, 1995. – С.214-215.

ции. Думается, что крестьянский суд вызовет к жизни еще ни одно юридическое исследование. Эта проблема привлекала и продолжает привлекать к себе внимание представителей юридического сообщества. И это вполне оправдано так речь идет о народных формах отправления правосудия. Есть много интересных вопросов, которые требуют дальнейшей разработки, в том числе и в рамках историко-правовых исследований.

Ерохина Е.В. Анализ судебной практики в разрезе ее влияния на семейное законодательство и науку семейного права

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Масштабные изменения в социально-экономическом и политическом положении в стране в начале 90-х годов прошлого столетия, нашедшие отражение в Конституции РФ 1993 г. и новом Гражданском кодексе, определили необходимость принятия нового Семейного кодекса взамен действовавшего Кодекса о браке и семье РСФСР 1969 г. Стало ясно, что имевшийся крен в сторону жестокого государственного регулирования брачно-семейных отношений явно противоречит провозглашенным принципам всемерной охраны прав и свобод человека и гражданина. Другими словами, в действующем ранее Кодексе о браке и семье не соблюдался баланс запретов и дозволений по многим, позициям, относящимся как ко взрослым членам семьи, так и несовершеннолетним детям.

Государство, по-прежнему, уделяло внимание не правам, а обязанностям. Расширение международно-правовых связей РФ, ее приобщение к европейскому сообществу, признание и ратификация международных договоров диктовали необходимость соответствующего пересмотра действующего семейного законодательства, особенно в духе Конвенции ООН «О правах ребенка» 1989 г., признанной Россией обязательным международно-правовым актом.

Правоприменительная практика, а вслед за ней и Конституция РФ 1993 г. в ст. 7 установили, что «В Российской Федерации обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства...». Несомненным велением времени стало укрепление, расширение правовых гарантий защиты прав субъектов семейно-брачных отношений, а также смена приоритетов в семейно-правовом регулировании. Однако, в результате последней кодификации семейного законодательства проблема правового оформления семейных отношений не получила надлежащего разрешения. Закрепленная в законодательстве система источников семейного права до сих пор вызывает многочисленные вопросы.

Теоретические нестыковки, возможно, не привлекли бы столь широкого внимания, если бы не практические проблемы, связанные с практикой применения семейно-правовых норм, а также обновлением многих семейно-правовых институтов.

Усиливает интерес к семейному праву и семейному законодательству, их теоретической (общей) части, прежде всего:

1) расширение договорных и диспозитивных в целом начал в области семейно-правового регулирования,

2) появление новых отношений и связанных с ними проблем (конкуренция социального и биологического родительства, необходимость

законодательной реакции на отношения в репродуктивной сфере, нетрадиционные партнерства и т.п.), актуализация проблем «вечных» в связи с социальными изменениями во взаимоотношениях мужчины и женщины (эмансипация и окончательная эгалитаризация брака, повышение общественного статуса фактического супружества и др.), родителей и детей (формирование активной позиции ребенка как субъекта права, члена семьи);

3) и, наконец, развертывание регионального компонента в правовом регулировании семейных отношений.

Необходимо иметь механизмы, обеспечивающие реализацию принципа комплектности и оптимальности при регулировании семейных отношений.

В частности, это касается роли судебной практики в семейно-правовом регулировании. Поскольку успех преобразований в России зависит от решения многих правовых проблем, в ряду которых особое место занимает юридическая практика. Роль и назначение последней в механизме право реализации можно правильно оценить лишь во взаимодействии с юридической деятельностью и судебной практикой.

Право на судебную защиту не подлежит никаким ограничениям. Источником неограниченного права на судебную защиту является непосредственно Конституция РФ. Федеральные законы могут только определять порядок реализации этого права, но не отменять его и не устанавливать такие процедуры, которые затруднили бы или сделали бы по существу невозможным его осуществление заинтересованными лицами.

Судебные органы наделены правом официального толкования правовых норм, при этом они сталкиваются с необходимостью нейтрализации последствий несовершенства юридической техники. В семейном праве таким последствием является отсутствие четкой и однозначной терминологической базы, правовых дефиниций, разъясняющих значение того или иного понятия. В этой связи судебные органы вынуждены самостоятельно заниматься разработкой понятийного аппарата семейного права. "Становление судебной практики как компонента и результата судебной деятельности начинается с того момента, когда суду, для того, чтобы применить закон к спорному случаю и вынести по делу правосудное решение, необходимо истолковать закон, уяснить его смысл и содержание путем конкретизации тех понятий, которые выражены в словесной формуле закона"¹.

Вопрос о роли актов судебной практики в системе источников семейного права до сих пор остается дискуссионным². В юридической науке утвердилось мнение, что постановления пленумов Верховного суда источниками права не являются. И в настоящее время многие ученые придерживаются этой точки зрения. Однако некоторые авторы признают

¹ Едидин Б.А. О допустимости судебного правотворчества // Законодательство. 2000. -№4. –С.52.

² Нештаева т. Н. К вопросу об источниках права судебный прецедент и доктрина// Вестник Высшего арбитражного суда РФ. -2000. -№5 – С.107.

акты высших органов судебной власти источниками семейного права. Не углубляясь в дискуссию по этому поводу, отметим, что более взвешенным является предложение считать предписания общего характера, содержащиеся в актах официального толкования, не нормами права, а правоположениями, которые имеют юридическое значение, но не могут составлять основу правоприменительных решений.

В соответствии с Конституцией РФ Верховный Суд РФ, Высший Арбитражный Суд РФ вправе издавать разъяснения по вопросам применения судебной практики. В рамках рассмотрения конкретных дел судам предоставлено право прямого применения Конституции РФ, норм и принципов международного права и неприменения неконституционных и незаконных нормативных правовых актов и их отдельных положений. Данные полномочия убедительно доказывают возможность значительно-го влияния судов как на правовую систему, так и на практику правоприменения.

Считаем, что 1) судебная практика создает правоположение, которое отсутствует в нормативном акте, и тем самым преодолевает пробелы в законодательстве; 2) судебная практика дает разъяснения и толкование нормативно-правового акта.

Все разъяснения постановлений Пленума Верховного Суда РФ по семейным делам автор условно делит на четыре категории:

1) разъяснение по вопросам, связанным с изменениями в семейном законодательстве;

2) разъяснения, изменяющие судебную практику в связи с принятием нового законодательства;

3) по вновь введенным нормам;

4) разъяснения, которые были даны ранее, но сохранили свою актуальность (в редакции нового законодательства).

В российской юридической науке утвердилось спорное мнение о том, что предписания общего характера являются не нормами права, а правоположениями, а сами постановления - интерпретационными актами либо актами нормативного толкования, даже в тех случаях, когда предписания сформулированы впервые и не дублируют положения, содержащиеся в законах¹. Однако если следовать этой логике, можно прийти к выводу, что законы, принятые на основе и в развитие Конституции, лишь разъясняют ее положения и являются актами толкования.

По нашему мнению, в этом смысле постановления Пленумов Верховного Суда по юридической силе весьма сходны с подзаконными актами.

В ходе выявления истинного смысла определенного нормативного положения возникает необходимость в его конкретизации, которую суд вынужден осуществлять, фактически создавая новые правила общеобязательного характера.

¹ Пиголкин А.С. Источники семейного права// Закон. – 1998. -№5. –С.29.

Подобная ситуация возникает и в случае пробела в праве, так как отношение, вызывающее правовые последствия, должно быть урегулировано правовыми нормами в любом случае (например, при оспаривании отцовства).

Поэтому справедливой признается позиция авторов, которые главным основанием неотнесения Постановлений Пленумов к прецедентам считают тот факт, что их обязательный характер прямо предусмотрен законом.

Непоследовательным представляется и тезис некоторых авторов о неправомерности признания источниками права нормативных толкований Пленумов высших судебных инстанций¹, которые, являясь действенным правовым регулятором семейных отношений, обладают признаком обязательности. Дополняя, детализируя гипотезу, диспозицию, суд, по сути, меняет саму норму права. Но целое не может оставаться неизменным, если изменилось содержание его части. Так, решение судей, игнорирующих сформулированное Пленумом правило, может быть отменено вышестоящим судом, и в итоге дело должно рассматриваться в соответствии с указанием высшей судебной инстанции.

Акты официального толкования называют "интерпретационными", тем самым подчеркивая их назначение - растолковывать, объяснять смысл нормы. Высшим судебным органам приходится давать определения понятиям, содержащимся в той или иной норме трудового права, когда в самом нормативном акте отсутствуют соответствующие дефиниции. Определением считается логическая операция, раскрывающая основное содержание понятия путем перечисления входящих в него признаков.

Не всегда содержание того или иного юридического термина можно охарактеризовать с помощью дефиниции, поэтому суды прибегают к иному приему, сходному с определением, которое получило название "остенсивное определение" (от латинского *ostensio* - показывание).

Это разъяснение слов или словосочетаний путем непосредственного указания предметов, действий или ситуаций, обозначаемых этими словами или словосочетаниями.

Существенное значение для развития понятийного аппарата семейного права имеют решения судов первой инстанции, а также определения судов кассационной и надзорной инстанций по конкретным делам, в особенности те из них, которые публикуются в обзорах и обобщениях судебной практики. Эти акты официального казуального толкования доводятся до сведения неопределенного круга правоприменителей с целью обеспечения единства в понимании и применении законодательства о труде.

Однако в отличие от руководящих постановлений пленума Верховного суда, имеющих для судов обязательный характер, правоположе-

¹ Пчелинцева Л. М. Семейное право России –М.: НОРМА –ИНФРА.-2007.- С.283

ния, выработанные в ходе разрешения семейных споров, имеют характер рекомендательного судебного толкования.

В этих актах судебных органов редко встречаются определения терминов в виде абстрактной формулы, логически оформленной мысли, чаще используется такой способ, как обозначение "рамок" или "границ" понятия путем исключения отдельных явлений (элементов), не относящихся к данному понятию. Характерны в этом отношении решения по делам о взыскании алиментов, о разделе имущества, нажитого в браке¹.

Иногда решения судов по конкретным семейным спорам дополняют определения или расширяют рамки понятий. Так, предложен перечень споров, связанных с воспитанием детей, приведенный в п.1 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. N 10 "О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей"².

В постановлении приводятся рекомендации Верховного Суда относительно разрешения споров, связанных с воспитанием детей. В частности, указывается, что к таким спорам относятся: споры о месте жительства ребенка при раздельном проживании родителей; об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка; об устранении препятствий к общению с ребенком его близких родственников; о возврате родителям ребенка, удерживаемого не на основании закона или судебного решения; о возврате опекунам (попечителям) подопечного от любых лиц, удерживающих у себя ребенка без законных оснований; о возврате приемному родителю ребенка, удерживаемого другими лицами не на основании закона или судебного решения; о лишении родительских прав; о восстановлении в родительских правах; об ограничении родительских прав, об отмене ограничения родительских прав и другие.

Особый интерес для нас представляют решения судов, содержащих интерпретацию оценочных понятий, не конкретизированных в нормативных актах. И хотя такие понятия толкуются применительно к конкретным обстоятельствам дела, в некоторых случаях они могут служить примером и для других аналогичных ситуаций. Следует отметить, что именно оценочным категориям труднее всего дать строгое определение через род и видовое отличие, а потому они и разъясняются посредством примеров. Как правило, перечень таких примеров является открытым, а

¹ Постановление президиума Краснодарского краевого суда "Если в период брака лично принадлежащая одному из супругов часть дома была капитально отремонтирована за счет общих средств и ее стоимость существенно увеличилась, то общей совместной собственностью супругов может быть признана часть дома, соответствующая по стоимости произведенным улучшениям. Увеличение доли в общем имуществе одной из сторон в связи с тем, что с ней проживает несовершеннолетний ребенок, возможно лишь за счет их общего совместного имущества" (извлечение)// Бюллетене Верховного Суда РСФСР, 1986. - N 4. - С. 12.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. N 10 "О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей"// Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 1998 . - N 7.

это свидетельствует о неполном отражении содержания описываемого понятия.

Например, в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. N 10 "О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей разъясняется, что следует понимать под уклонением родителей от выполнения своих обязанностей по воспитанию, под злоупотреблением родительскими правами и жестоким обращением с детьми.

Так же в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. N 15 "О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака"¹ разъясняется, что понимать под указанным в п.2 ст.39 СК РФ понятии «заслуживающие внимания интересы одного из супругов». А именно под заслуживающими внимания интересами одного из супругов следует, в частности, понимать не только случаи, когда супруг без уважительных причин не получал доходов либо расходовал общее имущество супругов в ущерб интересам семьи, но и случаи, когда один из супругов по состоянию здоровья или по иным не зависящим от него обстоятельствам лишен возможности получать доход от трудовой деятельности.

Либо, решая вопрос о месте жительства несовершеннолетнего при раздельном проживании его родителей (независимо от того, состоят ли они в браке), устанавливается, что необходимо иметь в виду, что место жительства ребенка определяется исходя из его интересов, а также с обязательным учетом мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, при условии, что это не противоречит его интересам (п.3 ст.65, ст.57 СК РФ). При этом суд принимает во внимание возраст ребенка, его привязанность к каждому из родителей, братьям, сестрам и другим членам семьи, нравственные и иные личные качества родителей, отношения, существующие между каждым из родителей и ребенком, возможность создания ребенку условий для воспитания и развития (с учетом рода деятельности и режима работы родителей, их материального и семейного положения, имея в виду, что само по себе преимущество в материально-бытовом положении одного из родителей не является безусловным основанием для удовлетворения требований этого родителя), а также другие обстоятельства, характеризующие обстановку, которая сложилась в месте проживания каждого из родителей.

Существенное значение для развития понятийного аппарата семейного права имеют решения судов первой инстанции, а также определения судов кассационной и надзорной инстанций по конкретным делам, в особенности те из них, которые публикуются в обзорах и обобщениях судебной практики. Эти акты официального казуального толкования доводятся до сведения неопределенного круга правоприменителей с целью

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. N 15 "О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака"// Библиотечка Российской газеты. - 1998- N 34

обеспечения единства в понимании и применении законодательства о семье. В этих актах судебных органов редко встречаются определения терминов в виде абстрактной формулы, логически оформленной мысли, чаще используется такой способ, как обозначение "рамок" или "границ" понятия путем исключения отдельных явлений (элементов), не относящихся к данному понятию¹. Некоторые трудности вызывает на практике толкование «уклонялись от выполнения обязанностей родителей», содержащегося в ст.100 СК РФ. Поскольку дети могут быть освобождены от обязанности по содержанию своих нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей, если судом будет установлено, что родители уклонялись от выполнения обязанностей родителей.

В данном случае имеется в виду виновное поведение родителей, когда они не заботились о здоровье, о нравственном воспитании, физическом развитии, обучении несовершеннолетнего ребенка, подготовке его к труду, а также не содержали ребенка, злостно уклонялись от уплаты алиментов. При этом для освобождения от алиментной обязанности в отношении нетрудоспособных родителей не требуется, чтобы родители обязательно ранее лишались родительских прав, ограничивались в родительских правах или осуждались за злостное уклонение от уплаты алиментов. Имеет значение только то, что родители в прошлом, когда дети были несовершеннолетними, уклонялись (т.е. действовали виновно) от выполнения своих родительских обязанностей. Данные обстоятельства должны быть установлены судом на основании всесторонне исследованных доказательств, поскольку невыполнение родителями родительских обязанностей могло иметь место по причинам, не зависящим от родителей².

Таким образом, суды конкретизировали данное понятие.

Подводя итоги, заметим, что влияние судебной практики на формирование понятийного аппарата семейного права осуществляется по нескольким направлениям.

Во-первых, это прямое указание на неконституционность правовых норм, дающих определения некоторым терминам законодательства о семье.

Во-вторых, непосредственное формулирование определений понятий, не имеющих правовых дефиниций.

В-третьих, придание понятиям конкретного юридического содержания в процессе правоприменения.

Первое направление характерно для Конституционного суда, второй способ использует Верховный суд, а третий вид деятельности присущ, главным образом, судам общей юрисдикции первой и кассационной инстанций.

¹ Конюхова И. Роль судов в конституционном развитии России/ Эж – юрист. 2003. - №9. – С.49

² Справка Кемеровского областного суда от 3 августа 2006 г. N 01-11/19-426 о причинах отмены судебных постановлений мировых судей в порядке надзора за первое полугодие 2006 года

При вопросе о необходимости рассмотрения и анализа судебной практики в разрезе ее влияния на семейное законодательство ответ очевиден: процедура судебного обжалования является неким универсальным механизмом, который позволяет сначала выявить «проблемные» нормы, а затем привести их в соответствие.

Список использованных нормативных актов и литературы

Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. N 223-ФЗ (с изменениями от 15 ноября 1997 г., 27 июня 1998 г., 2 января 2000 г., 22 августа, 28 декабря 2004 г., 3 июня, 18, 29 декабря 2006 г.)// Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. - №1. - Ст. 16

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. N 10 "О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей"// Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 1998 . - N 7.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. N 15 "О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака"// Библиотечка Российской газеты. - 1998- N 34

Постановление президиума Краснодарского краевого суда "Если в период брака лично принадлежащая одному из супругов часть дома была капитально отремонтирована за счет общих средств и ее стоимость существенно увеличилась, то общей совместной собственностью супругов может быть признана часть дома, соответствующая по стоимости произведенным улучшениям. Увеличение доли в общем имуществе одной из сторон в связи с тем, что с ней проживает несовершеннолетний ребенок, возможно лишь за счет их общего совместного имущества" (извлечение)// Бюллетене Верховного Суда РСФСР.- 1986. - N 4. – С. 12

Справка Кемеровского областного суда от 3 августа 2006 г. N 01-11/19-426 о причинах отмены судебных постановлений мировых судей в порядке надзора за первое полугодие 2006 года

Едидин Б.А. О допустимости судебного правотворчества // Законодательство. 2000. -№4. –С.52.

Конюхова И. Роль судов в конституционном развитии России/ Эж – юрист. 2003. - №9. – С.49

Нештаева т. Н. К вопросу об источниках права судебный прецедент и доктрина// Вестник Высшего арбитражного суда РФ. -2000. -№5 – С.107.

Пиголкин А.С. Источники семейного права// Закон. – 1998. -№5. – С.29.

Пчелинцева Л. М. Семейное право России –М.: НОРМА –ИНФРА.-2007.- С.283

Капленко Л.В. Судебный прецедент в Российской правовой системе

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

По мере утверждения правового государства отечественная юридическая наука все более концентрируется на изучении источников права. В настоящее время вопрос об источниках права в российской правовой системе приобретает особое значение в теоретическом и практическом аспектах. Особая роль в российской правовой системе принадлежит нормативным правовым актам, поскольку они обеспечивают согласованность и непротиворечивость всей системы законодательства¹. При сложившемся положении не следует умалять роли и значимости и других источников права: правового обычая, договора с нормативным содержанием и юридического прецедента.

В контексте этого в отечественном правоведении обсуждается вопрос о судебном прецеденте, о значении судебной практики, о правовой природе актов Конституционного Суда Российской Федерации. Определение роли судебного прецедента в российской правовой системе следует начать с исследования его сущности и генезиса.

Как источник права юридический прецедент получил наибольшее распространение в системе общего права Англии, США, Канады, Австралии, где он имеет силу законодательного акта. Р.Давид и К.Жоффре-Спинози определяют английское право как типично прецедентное (case law), а основным его источником судебную практику (the Decisions of the Courts – «судебные решения»). Правило прецедента, по их мнению заключается в «обязанности придерживаться правил, уже содержащихся в судебных решениях (stare decisis), уважать судебные прецеденты, что является вполне логичным для права, созданного судебной практикой»².

Для романо-германской правовой системы роль судебного прецедента необходимо уточнить. Начиная со средних веков в странах континентальной Европы было принято считать, что правовая норма должна иметь доктринальное или законодательное закрепление. Поэтому судебная практика отказывалась создавать правовые нормы, мотивируя, что это дело лишь законодателя и правительственных или административных властей. В порядке исключения из общего правила в особых случаях могла быть установлена обязанность судьи: следовать определенному прецеденту. Так, например, в ФРГ такой авторитет был придан решениям Федерального конституционного суда, а в Испании была официально признана правотворческая роль судебной практики.

¹ Боннер А.Т., Ястржембский И.А. Судебная практика как источник права //Государство и право, 2001. - № 9.-С.120-121.

² Давид Р.,Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности – М.: Междунар. отношения, 1996. – С.248-249.

Современная постановка вопроса о значении судебного прецедента для российской правовой системы закономерна, поскольку в отечественном правоведении широко распространено мнение о том, что в русском праве прецедента никогда не существовало. Более 300-х последних лет судебный прецедент считался историко-правовым феноменом.

Как известно, прецедентом является такое решение суда по конкретному делу, которому придается общеобязательная сила и при рассмотрении подобных дел этим же судом и нижестоящими судами¹. Но следует отметить, что судебный прецедент должен иметь не только процессуальное, но и материальное содержание, т.е. содержать норму права. В связи с этим К.В.Петров обращает внимание на отличия между казуальным законом и прецедентом². Автор отмечает, что, закон создается законодательным органом, прецедент – судом. Но следует обратить внимание и на такую особенность судебного прецедента, как создание правовой основы для уже сложившихся правоотношений.

В отечественном праве судебный прецедент как источник права появляется на определенном этапе его развития. Как отмечает К.В.Петров, появлению и существованию прецедента способствовало несколько обстоятельств³. Во-первых, усложнение структуры судебных органов, которое проявилось в возникновении высших и низших судов, при установлении относительно жесткого контроля за судебной деятельностью последних. Во-вторых, прецедент возник в процессе становления «закона» как приоритетного источника права. В-третьих, существование прецедента было бы невозможно без совмещения разными органами государственной власти законодательных, административных и судебных полномочий. Все указанные обстоятельства характеризуют государственно-правовые изменения в России на протяжении XVI – XVIII вв. Эти же обстоятельства, наряду с совершенствованием приемов и методов управления, а также усилением контроля за деятельностью органов власти, привели к исчезновению прецедента. Детализируя отмеченные процессы в историческом контексте, можно указать на вторую половину XVI в. как время вероятного появления прецедента; в 70-х годах XVIII в. фиксируется конкуренция закона и прецедента как источников права, и в дальнейшем наблюдается постепенное вытеснение последнего из судебной практики.

Роль судебной практики в Советском Союзе существенно отличалась от той, которую она играла во многих буржуазных государствах. Суд, как инструмент господствующего класса, был подчинен закону, обеспечивал господство этого класса и охранял его интересы. Таким образом, контроль за конституционностью и законностью находился вне

¹ Оксамытний В.В. Теория государства и права. – М.: ИМПЭ-ПАБЛИШ, 2004. - С.354.

² Петров К.В. «Прецедент» в средневековом русском праве //Государство и право. – 2005. - № 4. – С.78.

³ Петров К.В. «Прецедент» в средневековом русском праве //Государство и право. – 2005. - № 4. – С.83.

пределов той роли, которую призваны были играть суды. В их задачу входило применение законов, а также их толкование в связи с их применением. Отмечая особую значимость судебных решений, М.С.Строгович писал: «Постановления Пленума Верховного Суда СССР, вынесенные в порядке ст.75 Закона о судостроительстве, представляют собой обобщения сделанные на основании целой группы однородных дел, встретившихся в судебной практике. Давая руководящие указания судам, Верховный Суд, решая выдвинутые деятельностью судов вопросы применения права, вместе с тем формулирует некоторые общие принципы и положения, необходимые для правильного применения норм права судами»¹.

Следует отметить, что роль, которую советская концепция отводила судебной практике, не ограничивалась сказанным выше. Поскольку право – это часть политики, советские суды должны были не только толковать и применять законы, но и обеспечивать успех политики правительства, активно участвовать в воспитании населения.

Являлась ли судебная практика источником права? Это вопрос неоднократно ставился и обсуждался как на общетеоретическом уровне, так и на уровне отдельных дисциплин. Так, например, предпринимались попытки представления руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР в качестве источника уголовного права. Но официально среди советских источников права не было юридического прецедента, как отмечал М.Н.Марченко «он (судебный прецедент) ведет к отступлению от начал законности и подрывает роль представительных органов государства в законодательной деятельности»².

В постсоветский период отношение к судебному прецеденту как источнику российского права существенно изменилось. Судебный прецедент по-прежнему формально не признавался источником российского права, но «настойчиво пробивал себе дорогу в российской правовой системе»³.

Современный юридический словарь содержит следующее определение исследуемой правовой форме: «судебный прецедент – решение по конкретному делу, являющееся обязательным для судов той же или низшей инстанции при решении аналогичных дел либо служащее примерным образцом толкования закона, не имеющим обязательной силы. Судебный прецедент в странах, признающих его обязательность, является источником права. Признание прецедента источником права дает возможность суду выполнять правотворческие функции не только в случае отсутствия соответствующего закона, но и при его наличии»⁴. Отмечая возрастающую тенденцию, направленную на признание судебного прецедента источником российского права, многие исследователи не без

¹ Строгович М.С. Теория государства и права. - М.: ГИЮЛ, 1949. -С.386.

² Мартынич Е., Колоколова Э. Прецедентное право: от советской идеологии к международной практике //Российская юстиция, 1994.- № 12.- С.20.

³ Гранат Н.Л. Источники права //Юрист, 1998.- № 9.- С.9

⁴ Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия –М.: Наука,1999. – С.358.

оснований полагают, что такое признание обогатит российское право. Как полагает М.Н.Марченко, признание судебного прецедента как источника права будет содействовать восполнению пробелов в праве, в нормативно-правовом регулировании. А применительно к отдельным отраслям права признание прецедента, а еще шире – судебной практики в качестве источника права, безусловно, будет создавать благоприятные условия и предпосылки для их дальнейшего развития и совершенствования¹.

Так, принимая во внимание, что постановления Конституционного Суда Российской Федерации «не являются правоприменительными, индивидуальными актами, актами применения Конституции, им присущи нормативно-интерпретационный характер, обобщенность и обязательность»². Л.А.Морозова, обращая внимание на «особый статус решений Конституционного Суда РФ среди актов судебной практики», делает вывод, что «поскольку данные решения выступают основанием для изменения, отмены или принятия нового акта или новой нормы права, они могут быть признаны источниками права»³.

Рассмотрим некоторые подходы к определению значения исследуемого источника права в экологическом праве. К источникам экологического права традиционно относят нормативные правовые акты, договоры с нормативным содержанием, правовые обычаи. В отношении такого источника права как судебный прецедент и судебная практика существует несколько различных мнений. Позиция, выраженная В.В.Петровым, заключается в следующем: «Решения судов, несмотря на свою оригинальность и юридическую грамотность, не могут служить образцом, источником для принятия решения по другому аналогичному делу. Отсюда следует, что российская доктрина рассматривает судебную практику лишь в плане применения права, толкования и разъяснения его отдельных положений»⁴.

Существуют и другие подходы к пониманию вопроса. Например, М.М.Бринчук выражает позицию, сущностью которой является «признание судебной практики источником права окружающей среды, поскольку в рамках принципа разделения властей суды наделяются новыми полномочиями нормотворческого органа власти»⁵.

Позиция С.А.Боголюбова заключается в признании судебного прецедента в качестве источника экологического права, который, по его мнению, «занимает хотя и ограниченное, но определенное место»⁶. Более того, автор полагает, что постановления Конституционного Суда РФ, Пленумов Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ по во-

¹ Проблемы теории государства и права/Под ред. М.Н.Марченко. – М.: Юрист,2006.- С.591.

² Назаров Л.В. Конституционный Суд России и развитие конституционного права //Журнал российского права.-1997.- № 11.- С.6.

³ Морозова Л.А. Еще раз о судебной практике как источнике права //Государство и право. – 2004. - № 1. – С.21.

⁴ Петров В.В. Экологическое право России. – М.: БЕК, 1996. – С. 96.

⁵ Бринчук М.М. Экологическое право. – М.:Юристъ,1999. – С.129.

⁶ Боголюбов С.А. Экологическое право. – М.: НОРМА, 2000.- С.22.

просам применения экологического и другого законодательства относятся к подзаконным актам и являются источниками экологического права¹.

Какое же решение суда может быть определено, как судебный прецедент и признано источником права. Полагаем, что постановления Конституционного Суда Российской Федерации являются актами нормотворчества, так как признание того из иного нормативного правового акта неконституционным и его отмена порождают новые права и обязанности участников правоотношений. На примере Постановления Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1 Закона РФ от 20 мая 1993 года «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии в 1957 году на производственном объединении «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча» в связи с жалобой гражданина В.С.Корнилова можно убедиться в значении постановлений Конституционного суда РФ, как нормативных актов, а, следовательно, и как источников права². Указанное постановление является основанием отмены положений нормативных актов в части признанной неконституционной, содержит указание Федеральному Собранию Российской Федерации о внесении изменений в соответствующий нормативный акт. Что является немаловажным: постановление – окончательно, не подлежит обжалованию, и подлежит опубликованию в «Собрании законодательства Российской Федерации» и других источниках официального опубликования нормативных актов органов государственной власти.

Справедливости ради следует отметить, что не все решения всех судов являются судебными прецедентами. Следует отметить, что суды (в данном случае Конституционный Суд РФ) осуществляют не только правотворческую деятельность, но и правоприменительную. В процессе правоприменения создаются не нормативные правовые акты, а индивидуализированные конкретизированные акты применения права. Следует особое внимание обратить на Постановления Пленума Верховного Суда РФ содержащие обобщение практики применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения (например, Постановление Пленума ВС РФ от 05 ноября 1998 г. № 14), и Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ, дающие разъяснения относительно применения некоторых положений действующих нормативных правовых актов (например, Постановление Пленума ВАС РФ от 21 октября 1993 г. № 22). Особо значимыми являются Постановления Пленумов ВС РФ и ВАС РФ при рассмотрении дел по вопросам охраны окружающей среды, защиты экологических прав граждан, по вопросам рассмотрения жалоб на неправомерные действия граждан, а также по вопросам возмещения ущерба.

¹ Экологическое право: Учебник для вузов /Под ред. С.А.Боголюбова. – М.: Высшее образование, 2006. - С.68.

² Конституционный Суд Российской Федерации: Постановления. Определения. 1992-1996. – М.: Новый Юрист, 1997. – с. 404-409.

Закономерен вопрос: является ли такая судебная практика источником права? Существует несколько подходов к пониманию этой проблеме. Позволим себе не согласиться с позицией М.М.Бринчука, который полагает, что «при рассмотрении отдельных дел суды восполняют пробелы в праве, руководствуясь внутренним убеждением. Если такие решения апробируются Верховным Судом или Высшим Арбитражным Судом и публикуются, они становятся источниками права». Аргументом в данном случае может служить лишь то, что Постановления Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ, хотя и носят общий неперсонифицированный характер, не являются актами нормотворческими, а лишь правоприменительными.

Таким образом, признание правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации в качестве самостоятельного источника российского права является одним из признаков начавшегося процесса формирования прецедентного права в России. Следует отметить, что формирование и развитие широкого спектра правовых средств, в частности, источников права, вызванное дальнейшей интеграцией современных правовых систем послужит реальному обогащению и качественному улучшению российской правовой системы.

Признание правотворческой функции за судами (даже в очень ограниченном объеме) во многом отвечает потребностям современного российского государства. Суды имеют возможность наиболее полно и в короткий срок принимать меры к устранению пробелов и коллизий в действующем законодательстве. Признание данной функции за судами может способствовать эффективному развитию российского права и быстрому приспособлению российского законодательства к изменяющимся условиям жизни государства и общества в условиях правовой реформы в современной России.

Кожин В.В. Значение судебной практики в правовой системе Российской Федерации

Абдулинский районный суд, г. Абдулино

В настоящее время одним из основных принципов конституционного строя Российской Федерации является принцип разделения властей. Практическая деятельность всех государственных органов, формирование системы органов государственной власти и их практическая деятельность должны быть подчинены цели обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина. В статье 10 Конституции РФ устанавливается, что государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную.

Правосудие в Российской Федерации осуществляют суды. Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства (ст. 118 Конституции РФ). Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации» установлена судебная система Российской Федерации, к которой относятся: федеральные суды, конституционные (уставные) суды и мировые судьи субъектов Российской Федерации. К Федеральным судам относятся: Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, верховные суды республик, краевые и областные суды, суды городов федерального значения, суды автономной области и автономных округов, районные суды, военные и специализированные суды – эти суды составляют систему федеральных судов общей юрисдикции; Высший Арбитражный Суд РФ, федеральные арбитражные суды округов, арбитражные суды субъектов РФ – эти суды составляют систему федеральных арбитражных судов. К судам субъектов РФ относятся: конституционные (уставные) суды субъектов РФ, мировые судьи, являющиеся судьями общей юрисдикции субъектов РФ.

Судебная власть в структуре разделения властей занимает особое место, обусловленное ее социальной ролью и специфическими функциями. С судебной властью связаны такие категории, как правосудие, судебный контроль, юстиция. Обеспечивая права и свободы граждан, правосудие должно осуществляться на основе установленного разграничения компетенции судов различных видов в области защиты прав и свобод личности, при использовании специальных процессуальных правовых норм. Относящиеся к одной государственной функции понятия «правосудие» и «судебная власть» нетождественны. Отправление правосудия – сложная и многоплановая юридическая деятельность, требующая от нее исполнителя высокого уровня профессиональных знаний, способностей, опыта.

С.В. Боботов характеризует с точки зрения правил судопроизводства основные, специфические свойства правосудия. Он отмечает сходство

процесса отправления правосудия и процесса научно-исследовательской работы, которая, с одной стороны, преследует цель поиска истины, достоверного установления фактов, а с другой – требует их точной правовой оценки, которая возможна после тщательного анализа нормативных положений, выводимых из всей совокупности действующих источников права. Автор к ним относит не только сами нормативные положения, но и ранее состоявшиеся судебные решения по аналогичным вопросам (прецеденты), равно как и международно-правовые нормы, доктрины и суждения крупнейших авторитетов в области права.¹

В правовой системе судебная практика выступает относительно самостоятельным явлением. И как каждое объективное явление, она имеет свои, только ей присущие содержание и форму. Эти обстоятельства позволяют соответствующим судебным органам обобщать и систематизировать судебную практику, дают возможность юридической науке изучать ее.

В современных условиях судебная власть, особенно на уровне высших судебных инстанций, призывает к тому, чтобы содействовать законодательным органам, как в корректировке законов, так и в восполнении пробелов в законодательном регулировании в субсидиарном, вспомогательном порядке. Сейчас представляется вполне нормальным и легитимным то обстоятельство, что суды при определенных условиях способны восполнять законодательство посредством судебной практики. Многие авторы в процессе развития юридической мысли в России и за рубежом исходили из предположения о том, что судебная практика, возникающая в результате судебной деятельности, занимает промежуточное положение между обычаем и законом, имея много общего как с обычаем, так и с законом.

Во всех развитых правовых системах под судебной практикой понимают совокупность решений, выносимых судьями и судами по итогам рассмотрения ими дел. Применительно к правовой системе Российской Федерации, по мнению С.Н. Братуся и А.Б. Венгерова, необходимо отвергнуть мысль о том, что к судебной практике можно отнести любое решение суда, определение кассационной либо надзорной судебной инстанции или даже сумму решений по конкретной группе дел. Они считают, что юрисдикционным актом является любое решение суда, любой акт судебной деятельности, так как при его вынесении происходит применение закона к конкретному правоотношению, но не каждый подобный акт можно считать судебной практикой.

По мнению С.В. Вильянского, судебная практика – это «сложившееся при разрешении судами однородных конкретных дел правовые положения, выработанные в результате единообразного и многократного применения норм к отношениям, не урегулированным с исчерпывающей

¹ Боботов С.В. Судебное толкование законов: теория и практика // Юридический консультант. – 1997. – № 9, 10.

ясности или неполно урегулированным соответствующим законом».¹ Судебная практика по О.С. Иоффе, - это «обобщение выражения одной линии советских судебных органов при разрешении дел данной категории».²

По мнению С.С. Алексеева, судебная практика представляет собой «опыт применения юридических норм к конкретным жизненным ситуациям».

В ряде случаев юридическая практика имеет характер судебных обыкновений, то есть складывающиеся на практике линии, направления применения закона, прецедентов практики». С.С. Алексеев различает практику как конкретную организаторскую деятельность в области права, то есть сферу фактической жизни права, основу научного познания, и практику, как итог этой деятельности, специфический правовой феномен.³ Выводы, сделанные автором в отношении юридической практики в целом наилучшим образом применимы и к судебной практике, как одной из ее разновидностей.

По мнению В.М. Сырых, правильный подход к пониманию понятий «юридическая практика», «судебная практика», «правоприменительная практика» можно выработать лишь с учетом философского подхода к фундаментальной гносеологической категории «практика».⁴ Являясь всеобщей философской категорией, она лежит в основе видовых понятий и определяет их необходимые признаки, позволяющие признавать те или иные дискретные моменты социальной деятельности общества и его членов в качестве самостоятельной формы, вида практики. Согласно законам логики любое правильно выделенное видовое понятие должно содержать все признаки своего родового понятия. Автор, опираясь на положения диалектического материализма, представляет практику как целенаправленную, чувственно-предметную коллективную деятельность людей, направленную на создание материальных благ, преобразование природы или общества. Практика представляет собой целостную систему, составными частями которой выступают: цели человека, средства, результат, сам процесс деятельности.

Руководящая форма судебной практики выражается в особых актах высших судебных органов (Постановлениях Пленума Верховного Суда, высшего Арбитражного Суда и Конституционного Суда РФ), в которых практика обобщенно формулируется в виде конкретизирующих нормативных предписаний. Подобный опыт применения законодательства, не связанный с непосредственным решением конкретных юридических дел, выступает в форме конкретизированных правоположений, формально-определенных предписаний, тем самым наиболее полно раскрывая свое волевое содержание, приближается к правотворческим ак-

¹ Вильянский С.В. Лекции по советскому гражданскому праву. – Харьков, 1958. – С. 57, 60.

² Иоффе О.С. Советское гражданское право. – Л., 1958. – С. 44.

³ Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. – М., 1999. – С. 117-118.

⁴ Сырых В.М. Логические основания общей теории права: В 2-х томах. Т. 1. – М., 2000. – С. 113.

там и самостоятельным нормам права. Данными предписаниями конкретизируются в наиболее существенных и спорных положениях нормативно-правовые акты, что должно им придавать статус правовых норм. Вместе с тем, С.С. Алексеев прямо подчеркивает, что постановления высших судебных органов не являются источниками права и представляют собой интерпретационные акты, содержащие нормативные положения о применении юридических норм.¹ Автор полагает, что по отношению к правовым нормам предписания высших судебных органов представляют собой результаты официального нормативного толкования действующего права – логическими выводами из одной или из нескольких связанных между собой норм, сформулированных на основе данных судебной практики. По его мнению, они являются обобщенными результатами деятельности по применению права и по своей природе остаются вспомогательными нормами правоприменения.

Некоторые стороны судебной деятельности, по мнению С.Н. Бра-туся и А.Б. Венгерова, в процессе их применения и конкретизации могут объективироваться в следующих взаимосвязанных формах.

Во-первых, следует различать судебную практику, выраженную в руководящих разъяснениях высших судебных инстанций по вопросам применения законодательства при рассмотрении судебных дел.

Во-вторых, судебную практику, содержащуюся в принципиальных решениях по конкретным делам судов разных уровней.

Конституционное судопроизводство в России стало формироваться с началом деятельности Конституционного Суда РФ. Организационно-правовые основы его деятельности получили свое развитие и совершенствование в Законе «О Конституционном Суде Российской Федерации».²

Наиболее заметным организационным нововведением стало появление в структуре Суда наравне с пленарным заседанием, где участвуют все судьи Конституционного Суда, двух палат, в заседаниях которых участвуют десять и девять судей соответственно (ст. 20 Закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»). Основным здесь является то, что решение Суда, вынесенное и в пленарном заседании, и в заседании палаты равнозначны по юридической силе, а различаются лишь кругом решаемых ими вопросов.

Конституционный Суд РФ дает общеобязательное толкование российской Конституции, прекращает действие правовых норм, признанных не соответствующими Конституции, или не допускает их вступление в силу. При этом Конституционный Суд связан своей «правовой позицией», высказанной им по ранее рассматриваемому делу (п. 5,6 Конституции РФ, ст. ст. 73, 79, 106 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»). Правотворческую

¹ Алексеев С.С. Общая теория права: Курс в 2-х томах. Т. 1. – М., 1981. – С.355.

² Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 г. «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание Законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

роль Конституционного Суда можно признать даже с точки зрения английской доктрины судебного прецедента (общеобязательность, связанность ранее выработанной позицией и вызванные этим ссылки на предыдущие решения при вынесении нового).

Понимание правовых позиций Конституционного Суда как обобщенных представлений Суда по конкретным конституционно-правовым проблемам, наиболее верно сформулировано Н. Витруком: «Правовые позиции Конституционного Суда РФ есть правовые выводы и представления Суда как результат интерпретации (толкования) Судом духа и буквы Конституции РФ и истолкования им конституционного смысла (аспектов) положений отраслевых (действующих) законов и других нормативных актов в пределах его компетенции, которые снимают неопределенность в конкретных конституционно-правовых ситуациях и служат правовым основанием итоговых решений (постановлений) Конституционного Суда».¹

С.В. Поленина считает, что Конституционный Суд РФ не должен подменять законодателя, связывать его в процессе конституционного толкования обязательными установками о путях решения той или иной проблемы. Вместе с тем, вопрос о возможности и целесообразности использования судебных прецедентов в российской правовой системе связывается ею с характером применяемой законодателем законодательной техники.²

В соответствии со ст. 126 Конституции РФ высшим судебным органом по гражданским, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам общей юрисдикции, является Верховный Суд Российской Федерации, который осуществляет в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за их деятельностью и дает разъяснения по вопросам судебной практики. Верховный Суд действует в составе Пленума, Президиума, судебных коллегий по гражданским, уголовным делам и Военной коллегии, кроме того, его деятельность обеспечивается необходимыми для этого подразделениями (отделы работы с законодательством, обобщения судебной практики, проверки судебных решений в порядке надзора, контроля и исполнения решений, приема граждан). Судебные коллегии по гражданским, уголовным делам и Военная коллегия в пределах своей компетенции рассматривают дела в качестве суда первой инстанции, в кассационном порядке, в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам. Президиум Верховного Суда рассматривает судебные дела в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам, помимо этого он обладает и внесудебными полномочиями: на его заседаниях рассматриваются материалы обобщения судебной практики, анализируется судебная статистика, ре-

¹ Витрук Н. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение // Конституционное право: восточное обозрение. – 1999. - № 3. – С. 95.

² Поленина С.В. Законотворчество в Российской Федерации. – М., 1996.

шаются вопросы организации работы судебных коллегий и аппарата суда.

Пленум Верховного Суда, не рассматривая конкретных уголовных дел, выполняет ряд важнейших функций в деле координации деятельности судов общей юрисдикции и деятельности Верховного Суда в целом, обсуждая на своих заседаниях результаты изучения и обобщения судебной практики по отдельным категориям дел или общим вопросам, касающимся применения законодательства всеми судами общей юрисдикции. По итогам обсуждения подобных вопросов Пленумом принимается постановление, в котором для судов даются общие рекомендации по единообразному применению законодательства Российской Федерации.

Постановления Пленума Верховного Суда РФ, как форма объективирования судебной практики, направлены на обеспечение ее единства и правильного применения Конституции РФ и федеральных законов. Именно в форме постановлений Пленума с наибольшей полнотой проявляются все закономерности, которые присущи процессу конкретизации правовых норм. Они содержат положения, которые в рамках закона конкретизируют и детализируют правовые нормы.

Юридическая практика при помощи присущих ей функций способна целенаправленно влиять на общественную жизнь, имеющимися в ее распоряжении средствами. При этом можно достаточно определенно обозначить задачи и цели, которые она при этом выполняет.

По мнению И.В. Решетниковой, «в настоящее время в странах состязательной системы правосудия наблюдается тенденция возрастания роли закона, а в континентальной системе – роли судебной практики. В связи с этим отмечается, что упрочнение роли судов в Российской Федерации как третьей власти в государстве может привести к официальному закреплению руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, содержащих нормы права, в качестве нормативных актов. Это позволило бы судебной власти встать вровень с законодательной и исполнительной в плане полномочий по изданию нормативных актов».¹

Судебная практика складывается в результате применения судами права. Она также выполняет определенные функции, через которые проявляются качественные особенности ее отдельных форм проявления.

В процессе исследования значения и роли судебной практики, степени ее влияния на содержание института подведомственности, В.М. Жуйков делает следующие выводы о месте данного института в правовой системе Российской Федерации.

1) Судебная практика является составной частью правовой системы РФ и играет в ней важную, активную роль;

2) Судебная практика, закреплённая в некоторых постановлениях Пленума Верховного Суда, является источником права;

¹ Решетникова И.В. Доказательственное право в российском гражданском судопроизводстве: Автореф. Дис. д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 1997. – С. 26.

3) Судебная практика, выраженная в официально опубликованных постановлениях Верховного Суда РФ по конкретным делам (определениях судебных коллегий, постановлениях Президиума), фактически также зачастую является источником права и учитывается судами при разрешении ими дел;

4) Было бы правильным официально признать судебную практику Верховного Суда РФ по конкретным делам источником права, придав решениям Верховного Суда РФ, имеющим принципиально важное значение, силу прецедента и, допустив право судов РФ, ссылаться на них в своих решениях.¹

Проводимая в последние годы в нашей стране судебная реформа заставляет ученых-правоведов обращаться к поиску новых идей и концепций, способствующих повышению эффективности правосудия, разработке доктрины действенной судебной власти. Соответственно в юридической литературе все чаще стали появляться суждения о возможности признания судебной практики в качестве источника права, о закреплении за Пленумом Верховного Суда РФ права издавать общеобязательные для всех нижестоящих судебных инстанций разъяснения по вопросам судебной практики, что в свою очередь должно способствовать единообразному применению законодательства.

Исходя из конституционно закрепленного принципа разделения властей, согласно ст. 126 Конституции РФ, Верховный Суд РФ является высшим судебным органом по гражданским, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам общей юрисдикции. Также Верховный Суд РФ осуществляет в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за их деятельностью и дает в своих посланиях разъяснения по вопросам судебной практики. И.В. Решетников и В.В. Ярков полагают, что «дальнейшее развитие судов как третьей власти в государстве может привести к официальному признанию руководящих постановлений Пленума Верховного Суда РФ в качестве подзаконных актов».²

Анализ судебной деятельности с позиций судебной власти, осуществляющей контроль за властью исполнительной, позволяет иначе посмотреть на судебную практику и правотворческие возможности суда.

В теории государства и права авторами выделяются различные функции юридической практики, соответственно судебная практика в процессе своего воздействия на общественные отношения может преследовать несколько целей. Таким образом, В.И. Леушин предлагает выделять такие функции юридической практики, как функция формирования права, совершенствования правоприменительной деятельности, воспитательную и правоконкретизирующую функции.

¹ Жуйков В.М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц. – М., 1997. – С. 189.

² Решетникова И.В., Ярков В.В. Судебная реформа: проблемы гражданской юрисдикции. – Екатеринбург. 1996. – С. 17.

По мнению С.С. Алексеева следует выделять следующие три функции юридической практики, определяющие ее место в правовом регулировании общественных отношений.¹ Первой из них он называет правонаправляющую или ориентирующую функцию, которая, по его мнению, призвана объединять и целенаправленно придавать единообразный характер деятельности правоприменительных органов при решении юридических казусов. При этом практика проявляет себя как элемент правовой системы, который вместе с соответствующей нормативной базой выполняет функции механизма правового регулирования по организации судебной и другой правоприменительной деятельности, предлагая им конкретные единообразные ориентиры, основанные на определенном опыте использования юридических норм для правильного разрешения подведомственных им дел. Таким образом, при помощи юридической практики и, в частности, судебной практики определяется и направленность применения правовых норм для разрешения юридических дел.

Следующей функцией, которую предлагает выделять С.С. Алексеев, является правоконкретизирующая функция юридической практики. Она призвана конкретизировать содержание действующих нормативных положений и смысл существующих правовых норм права вообще. Ценность юридической практики заключается в том, что она выполняет задачу именно правоприменительной конкретизации, тогда как правотворческие органы просто конкретизируют издаваемые ими нормативные акты, иногда уменьшая их абстрактный характер.

Третьей функцией юридической практики следует считать сигнально-информационную функцию, при помощи которой можно выявлять назревающие потребности совершенствования и изменения нормативно-правовых актов.

Функции судебной практики применительно к романо-германской правовой системе, в которых действует принцип верховенства закона, наиболее полно, с нашей точки зрения, раскрыты С.С. Алексеевым. Основной из них он считает «правосозидающую» функцию, то есть, по широко распространенному мнению, функцию «обратной связи».²

Не вызывает сомнений тот факт, что в правовоположениях, вырабатываемых судебной практикой собран опыт применения законов по наиболее значимым экономическим, социальным и правовым вопросам жизни общества. В положениях и разъяснениях судебной практики открываются недостатки действующих нормативно-правовых актов, и, одновременно, проявляются наилучшие варианты их устранения, предложения по совершенствованию, структурированию законодательной базы, опирающейся на опыт применения материалов практики. По выражению С.С. Алексеева, в науке, в области законотворчества уже давно признано, что судебная практика – это основной полигон проверки жизненно-

¹ Алексеев С.С. Общая теория права. Курс в 2-х томах. Т. 1. – М., 1981. – С. 348.

² Алексеев С.С. Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. – М., 2000. – С. 116-118.

сти закона и решающий источник – по принципу «обратной связи» – его совершенствования в ходе последующей законотворческой деятельности.

Используемая литература:

- Боботов С.В. Судебное толкование законов: теория и практика // Юридический консультант. – 1997. – № 9, 10.
- Вильянский С.В. Лекции по советскому гражданскому праву. – Харьков, 1958. – С. 57, 60.
- Иоффе О.С. Советское гражданское право. – Л., 1958. – С. 44.
- Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. – М., 1999. – С. 117-118.
- Алексеев С.С. Общая теория права: Курс в 2-х томах. Т. 1. – М., 1981. – С.355.
- Алексеев С.С. Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. – М., 2000. – С. 116-118.
- Сырых В.М. Логические основания общей теории права: В 2-х томах. Т. 1. – М., 2000. – С. 113.
- Витрук Н. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение // Конституционное право: восточное обозрение. – 1999. - № 3. – С. 95.
- Поленина С.В. Законотворчество в Российской Федерации. – М., 1996.
- Решетникова И.В. Доказательственное право в российском гражданском судопроизводстве: Автореф. Дис. д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 1997. – С. 26.
- Жуйков В.М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц. – М., 1997. – С. 189.
- Решетникова И.В., Ярков В.В. Судебная реформа: проблемы гражданской юрисдикции. – Екатеринбург. 1996. – С. 17.

Лепихина Е.В. Использование материалов в судебной практики в подготовке специалистов в области юриспруденции

Бузулукский гуманитарно-технологический институт (филиал) ГОУ ВПО ОГУ, г.Бузулук

Система высшего образования готовит специалистов для рынка труда, где достаточно высокая конкуренция и работодатели критически оценивают профессиональную компетентность молодых специалистов. В наше время гражданскому обществу, основанному на законности, нужны гуманные законы и отработанные механизмы правоприменения, необходимы хорошо подготовленные кадры, отлаженная система юридического образования.

Ежегодно вузы выпускают ограниченное количество молодых специалистов, что порождает положительную тенденцию в процессе качественного перерождения самой юридической профессии.

Потребность в юридических кадрах, особенно с более высокой квалификацией, имела всегда. Но острота в специалистах юристах в перестроечный период развития нашего общества в России резко повысилась.

Юридическая профессия охватывает большой спектр сферы деятельности человека в обществе, включая область законодательной, исполнительной, судебной власти, органов управления, руководство предприятиями, адвокатскую, нотариальную и частно-детективную деятельность, работу юрисконсульта. На предлагаемые работодателем штатные должности никому из них не нужен специалист, в которого необходимо дополнительно вкладывать деньги на обучение. Им нужен грамотный работник, способный самостоятельно мыслить и оперативно решать возникающие задачи.

Социальная значимость юридического образования проявляется в его многочисленных функциях, что позволяет эту отрасль знания рассматривать как определяющую в ряду человеческих ценностей.

Качество образования является основным источником формирования профессиональной компетенции будущего специалиста. Необходима адресная подготовка студентов, с пониманием ими характера и процесса реальных современных условий труда, с присутствием достаточно тесной связи с будущей сферой деятельности, концентрируя их усилия на подготовку к работе по избранной специальности.

Прослеживается тенденция востребованности эффективного, практического характера приложения полученных знаний, их самоокупаемости. Студент должен обладать не только знаниями, но и практическими навыками решения задач. Как показывает педагогическая практика, многие студенты не подготовлены к их решению.

Познавательная деятельность студентов по юридическим дисциплинам более результативна, когда лекционный материал максимально сопровождается по всем значимым вопросам краткими и доступными для понимания примерами из практической деятельности оперативных, следственных подразделений, судебной практики и других источников правоприменительной сферы.

Значение судебной практики трудно переоценить. Несмотря на то, что в юридической литературе нет единого мнения относительно того, является или нет источником права судебная практика, тем не менее она играет ведущую роль в понимании правовых норм. Судебная практика имеет огромное значение для выработки единообразного понимания и применения законодательства судебными органами, без чего невозможно обеспечить законность и правопорядок в обществе.

Все суды РФ, входящие в единую судебную систему, в процессе отправления правосудия принимают судебные акты, совокупность которых составляет судебная практика. В понятие «судебная практика» с определенными оговорками можно включать руководящие разъяснения высших судебных органов Российской Федерации по вопросам применения законодательства.

Материалы судебной практики следует широко использовать при подготовке и проведении разного рода занятий:

во-первых, при изложении лекционного материала грамотные практические примеры поднимают в сознании обучающихся блоки знаний из других изучаемых дисциплин. Они же вводят в процесс их усвоения личный жизненный опыт студентов, включая множественные ассоциативные связи, формируя личностный ролевой образ характера и значимость изучаемой дисциплины в общем процессе обучения.

во-вторых, на семинарских и практических занятиях. Теоретические семинары являются важной и эффективной формой учебных занятий, их значение определяется тем, что они направлены на развитие у студентов навыков самостоятельной работы над литературными источниками, законами и иными нормативно-правовыми актами, материалами судебной и судебно-арбитражной практики. В отличие от теоретических семинаров, практические занятия предназначены в первую очередь для того, чтобы научить студентов понимать смысл правовых норм и применять их к конкретным жизненным ситуациям.

Такие ситуации излагаются в задачах, большинство из которых имеют в своей основе рассмотренные судебные и судебно-арбитражные дела. Решение задач позволяет добиться в учебной аудитории максимального приближения студентов к практической деятельности юриста.

При решении задач студенты должны без помощи преподавателя подобрать необходимую нормативную базу, активизировать в памяти примеры из судебной практики и выдать верное и грамотно оформленное решение юридической задачи.

В последнее время происходит активное внедрение в научную практику игровых методов. Практическое применение игрового метода отвечает современной социокультурной ситуации и имеет ряд значительных преимуществ, т.к. имитирует целостные процессы в их развитии и динамике.

Деловая игра – это многоплановое, многоцелевое образование и в каждом конкретном случае выбор её основных целей зависит от конкретных обстоятельств. Опыт проведения деловых игр на кафедре уголовного права и уголовного процесса института убеждает в высокой эффективности данной формы занятий. Деловые игры, разработанные на конкретных случаях, вводят студентов в сферу самостоятельной деятельности, вырабатывают у них способность критически оценивать действующую ситуацию, являются мощным стимулом активизации самостоятельной работы и приобретению знаний, умений и навыков. В процессе игры широко используются материалы студенческой практики, их изучение и применение позволяет приобрести практические навыки, которые помогут избежать ошибок, возникающих при переходе к самостоятельной профессиональной деятельности.

Судебная практика применяется студентами и при самостоятельной работе: подготовке докладов, рефератов и при выполнении курсовых работ.

Включение в курсовую работу материалов судебной практики является обязательным условием ее успешной защиты. Проработав и обобщив примеры, автор работы вступает в полемику с отдельными общепризнанными авторами, вырабатывает собственную точку зрения на рассматриваемую проблему и меры по совершенствованию законодательства.

Судебная практика используется студентами и на последнем этапе обучения - выполнении ими выпускной квалификационной работы (ВКР). Сбор и обобщение практического материала - очень важный этап ВКР. На этом этапе студент имеет возможность наилучшим образом показать свои знания, выразить свою точку зрения по конкретному вопросу, т.е. показать умение самостоятельно делать выводы, вносить предложения на основе обобщения конкретных фактов. В этом заключается основное требование к ВКР как научной работе.

Практический материал студент собирает в период прохождения преддипломной практики и подготовке ВКР. Это могут быть конкретные уголовные, гражданские дела (преимущественно архивные), относящиеся к теме дипломной работы, а также материалы обобщений, сделанных по отдельным категориям дел как практическими работниками, так и самими студентами. Допускается использовать также материалы опубликованной практики в юридических журналах, например, в «Бюллетене Верховного Суда РФ». Практика разрешения отдельных категорий дел закреплена в постановлениях Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ.

При сборе и обобщении материалов практики следует отбирать как отрицательные, так и положительные факты; критически оценивать теорию и практику, обосновывать критику, проявляя корректное отношение к ученым и практикам. Перед обобщением практики необходимо отметить, что конкретно следует выяснить по материалам практики по гражданским, уголовным, административным делам.

Сфера применения труда юриста многообразна. Студент уже на определенном этапе обучения обязан показать глубину своих знаний в профессиональных дисциплинах; и использование преподавателями спецдисциплин в ходе обучения судебной практики этому в полной мере способствует.

Юрист- это личность особого рода, он разрешает споры, способные предотвратить столкновения между людьми и даже государствами. И в ряде требований, предъявляемым к юристам наряду с высоким уровнем правовой культуры, гибкостью правового мышления, стоит возможность творчески применять закон на основе конституционных положений и анализа судебной практики.

Летута Т.В. Роль использования судебной практики в процессе преподавания дисциплин гражданско – правовой специализации

Оренбургский государственный университет, Оренбург

Выпускники делятся на два типа: те, кто научился учиться и те, кто научился думать.

А. Джансен

В последнее время в научном сообществе идет бурное обсуждение инновационных процессов в педагогике, идет поиск российского варианта обретения ценностей. Современный рынок предъявляет довольно высокие требования к выпускникам юридических ВУЗов. С момента перехода нашей страны на рыночные отношения прошло около двадцати лет, и теперь большинство руководителей коммерческих предприятий осмысленно подходят к вопросам совершенствования организации процесса, в том числе – формирования кадрового состава. Для того чтобы работать в преуспевающей компании современному юристу необходимо в своей деятельности интегрировать три интеллектуальные функции: мышление, коммуникативность и собственно деятельность. Воспитание инновационного поведения обеспечивает будущему юристу метапрофессиональное мышление, что позволит организовать не только собственную жизнедеятельность, но и эффективное мышление и коммуникативность. Передовые идеи и направления в области образования, преследуя цель совершенствования образовательного процесса, находят свое закрепление в различных нормативно-правовых актах. Так, в «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года»¹ подчеркивается, что развивающемуся обществу нужны современно образованные, нравственные, предприимчивые люди, способные самостоятельно принимать ответственные решения в ситуации выбора, быть мобильными, динамичными, конструктивными специалистами, обладать развитым чувством ответственности за судьбу страны. Отсюда становится очевидной необходимость переориентации деятельности преподавателей от информационной к организационной – по руководству самостоятельной учебно-познавательной, научно-исследовательской деятельностью студентов. Огромную роль в данном процессе занимает использование обобщения судебной практики при проведении занятий по дисциплинам гражданско-правовой специализации. Специфика юридической науки заключается в неразрывной связи и взаимообусловленности процесса познания теоретического материала, анализа нормативной базы и обобщения практики (прежде всего, судебной) ее применения.

¹ Приказ Минобрнауки РФ от 11 февраля 2002 г. N 393 "О Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года" // СПС ГАРАНТ-Максимум.2007г.

В каждой юридической дисциплине имеется тема об источниках права, то есть о внешних формах выражения права. Поднимается проблема их значения и использования в процессе правоприменения. Собственно вопрос об источниках любой отрасли права является ключевым для будущих юристов, поскольку в своей профессиональной деятельности они принимают решения, разрешают нестандартные ситуации, опираясь на анализ источников права. Традиционно к источникам российского права относят нормативно-правовые акты, обычаи делового оборота, деловые обыкновения, международные акты. Определенное значение в регулировании гражданских правоотношений (а также коммерческих, корпоративных и других, вытекающих из гражданских отношений или тесно связанных с ними) имеют положения постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Разъяснения Пленумов Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации представляют собой их официальную позицию по тому или ином вопросу судебной практики.¹ До недавнего времени отношение российской правовой доктрины к возможности отнесения постановлений судов к числу источников права было несколько снисходительным. Считалось, что правовая система, основанная на признании за решениями вышестоящих судебных инстанций обязательной силы для нижестоящих или аналогичных судебных инстанций (англо-саксонская система) или, иными словами, основанная на прецедентном праве («праве судей») является отставшей в развитии «не вполне зрелой» системой права. Ныне исследователи отмечают факт обоюдодоплезного сближения юридических семей: романо-германской (господствующей в России) и англо-саксонской на основе заимствования правовых ценностей и признания того факта, что нормативно-судебная правовая система зачастую оказывается востребованной и эффективной.² Следует отметить тот факт, что косвенное признание прецедентности в российском праве происходит путем закрепления принципа единообразия толкования норм. Буквально это означает невозможность вынесения противоположного решения одним судом по подобному делу, рассмотренному ранее другим. Ведь понимание и толкование одних и тех же норм должно быть единообразным! Более того, восприятие постановлений Пленума Высшего Арбитражного суда РФ в качестве обязательных только для арбитражных судов на этом для юристов не заканчивается. Выработанные Пленумом Высшего Арбитражного суда РФ подходы к применению нормативно-правовых актов имеют значение не только для судов, но и для участников гра-

¹ В качестве примера можно назвать Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18.11.03 г. №19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона “Об акционерных обществах”// Хозяйство и право.-2004.-№1.-С.31-42.- ISSN 0134-2398.. См. также: **Яковлев, В. Ф.** Доклад/ В. Ф. Яковлев// Вестник ВАС РФ. - 2001.-Специальное приложение к №1.- С.10.- ISSN 0869-7426.

² **Дихтяр, А. И., Рогожин, Н. А.** Разъяснения высших судебных инстанций и их роль в совершенствовании законодательства о хозяйственных обществах/ А. И. Дихтяр, Н. А. Рогожин // Право и политика.-2003.-№12.-С.85-89.

жданских правоотношений, которые должны организовывать свою работу по определенным правилам, в том числе и по тем, которые подвергаются в судах толкованию.

Необходимо также отметить тот факт, что судебная практика в нашей стране играет важную роль, поскольку гражданское законодательство не лишено противоречий и неясностей. Единая судебная практика оказывает настолько существенное воздействие на законодательство, что фактически определяет направления его развития. Примером могут служить дополнения и изменения Федерального закона «Об акционерных обществах», сформулированные на основе положений Постановлений Пленума Высшего Арбитражного суда РФ (в частности, на основе правил о крупных сделках, содержащихся в п.14 Постановления от 02.04.97 г. №4/8).

Кроме того, непризнание за решениями российских судов прецедентного значения выглядит, по мнению теоретиков алогично при той значимости, какую имеют для российских судов, например, прецеденты Европейского Суда по правам человека.

Исходя из подобных рассуждений, теоретиками и практиками высказываются предложения официально признать судебную практику Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации источником гражданского права.¹

Что касается «правовых позиций»² Конституционного Суда Российской Федерации, то, как известно, они занимают самостоятельное место среди источников права. «Правовые позиции» Конституционного Суда РФ приобретают характер источника права, при этом, становясь основой для будущего правового регулирования, служат ориентиром для правотворческих и правоприменительных органов. Например, Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 24 февраля 2004 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Истеблишмент» и запросом Октябрьского районного суда города Пензы» признал не противоречащими Конституции Российской Федерации взаимосвязанные положения абзаца второго пункта 1 статьи 74 и статьи 77 ФЗ "Об акционерных обществах" (в редакции от 24 мая 1999 года), согласно которым в случае образования при консолидации дробных акций последние подлежат выкупу обществом по рыночной стоимости, поскольку эти положения в их конституционно-правовом истолковании предполагают учет прав и законных интересов обладателей дробных акций посредством применения надлежащих юридических процедур

¹ См.: **Максимова, Н. А.** Судебная практика как источник гражданского права/ Н. А. Максимова // Адвокатская практика. - 2003.-№4.-С.25-26.

² **Кажлаев, С.А.** О нормотворчестве Конституционного Суда Российской Федерации/ С.А. Кажлаев // Журнал российского права.- 2004.- №9.- С.26-33.- ISSN 1605-6590.

и эффективный судебный контроль за решениями, принимаемыми советом директоров (наблюдательным советом) и общим собранием акционеров. Конституционно-правовой смысл указанных положений, выявленный в данном Постановлении, является общеобязательным и исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

Все вышесказанное подчеркивает необходимость прививания студентам в процессе обучения не только умения понимать и толковать нормативные акты, но и умения самостоятельно применять их на практике, юридически правильно квалифицировать факты и обстоятельства, обобщать материалы судебной практики.

В качестве примеров использования обобщения судебной практики при проведении дисциплин гражданско-правовой специализации рассмотрим следующие.

В курсе «Корпоративное право» отдельное внимание заостряется на таких источниках правового регулирования, как локальные акты. Объяснить студентам значимость локального регулирования в корпорациях не составляет труда, отметив, что при рассмотрении споров Арбитражные суды обязаны анализировать не только соблюдение федерального законодательства или законодательства субъектов Российской Федерации по конкретному делу, но и соблюдение актов локального регулирования субъектами корпоративных отношений. Так, при рассмотрении Арбитражным судом Оренбургской области дела №А47-4/2002-17ГК «О признании неправомерными действий по созыву и проведению внеочередного общего собрания акционеров», дела №А47-4186/03-10ГК «О признании недействительным решения общего собрания акционеров недействительным» и других - суд исследовал обстоятельства дела, опираясь на гражданское (в частности, акционерное) законодательство и на локальные акты юридических лиц - участников судебного процесса.

Необходимость соблюдения правил реорганизации (изучаемых указанной дисциплиной) на всех ее этапах наглядно прослеживается из материалов дела по иску внешнеторгового акционерного общества "Аратс Инк" к ОАО "Судоремонтно-судостроительная корпорация" о взыскании 21300944 рублей. Судом усматривается, что реорганизация ОАО "Городецкая судоверфь" осуществлена по решению собрания акционеров в форме выделения из его состава ОАО "Судоремонтно-судостроительная корпорация". Однако разделительный баланс не дает возможности определить правопреемника реорганизованного юридического лица.¹

¹ См.: Постановление по делу № А43-10395/02-27-545 Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа по проверке законности и обоснованности решений (постановлений) арбитражных судов, вступивших в законную силу // СПС КонсультантПлюс. Янв.2007г. См.: также Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 31.10.2000 № 796/00 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2001. №1. С.54; п. 20 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18.11.2003 № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах» // СПС ГАРАНТ-Мастер. Дек.2006г.

Как свидетельствуют примеры судебной практики, случаи оспаривания реорганизации корпораций далеко не редкость.¹ Это связано, прежде всего, с тем, что реорганизация любого хозяйственного общества представляет собой сложный юридический состав: принятие общим собранием участников (акционеров) юридического лица решения о реорганизации с определением объема правопреемства и дальнейшим утверждением соответствующих документов (передаточный акт, разделительный баланс), передача прав и обязанностей, государственная регистрация нового юридического лица; в процессе которой органы управления реорганизуемого общества играют отнюдь не последнюю роль.

Проблемные вопросы ответственности в корпоративном праве наглядно прослеживаются при указании, например, на то обстоятельство, что до принятия в России Федерального закона «Об акционерных обществах» (1995г.) право акционера на иск нигде не было законодательно зафиксировано. Вместе с тем правонарушения в акционерных обществах были, и акционеры обращались в судебные органы. Так, в 1994г. в Московском городском арбитражном суде слушалось дело по иску АОЗТ «Инвестиционный дом «Русский акционерный капитал» к акционерному коммерческому банку «Авиабанк» о признании недействительным решения общего собрания акционеров последнего. Арбитражный суд прекратил производство по делу, ссылаясь на то, что споры акционеров и органов управления акционерных обществ не подведомственны арбитражному суду: ни по ст. 22 ранее действовавшего Арбитражного процессуального кодекса 1992г., ни по ст. 20 того же АПК. Статья 22 говорила о подведомственности споров в сфере управления. Дела об обжаловании акционерами решений органов акционерного общества, по мнению суда, не попадали под споры о признании недействительными (полностью или частично) актов государственных и иных органов, адресованных конкретным лицам или группе лиц. Суд считал, что данная категория споров не относится и к экономическим спорам, перечисленным в АПК.² Поэтому, акционеры лишались права на судебную защиту! К сожалению, случаи прекращения производства по делам о признании недействительными решений общих собраний акционеров были не единичными в арбитражной практике. Арбитражный суд Самарской области вынес аналогичное решение по одному делу³. Ситуация изменилась лишь тогда, когда Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ, рассматривавший это дело в порядке надзора, в своем решении указал, что обжалуемые решения (оспаривалось три решения) собраний акционеров затраги-

¹ См. например: Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа по делу № КГ-А40/3693-03 по иску конкурсного управляющего ЗАО «Лактоз» к ЗАО «Клинмолоко» и Администрации города Клин о применении последствий недействительности ничтожной сделки реорганизации ЗАО «Лактоз»...; Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа по делу № Ф09-2966/2003-ГК по иску ООО "ЧОП "Оренбурггазпромгарант" к ООО "Завод ЖБИС"// СПС КонсультантПлюс. Янв.2007г.

² Кармин А. Неправильное определение характера спора повлекло ошибку //Экономика и жизнь. 1994. №22.С15.

³ Журнал для акционеров. 1997. №3. С.41.

вают права и интересы истца (акционера) и влекут для него как для участника гражданских правоотношений определенные правовые последствия, поэтому в соответствии со ст.12 ГК РФ он был вправе обратиться за судебной защитой своих прав и законных интересов. Данное решение стало отправным моментом для эффективного разрешения различных споров, возникающих в сфере акционерных правоотношений и защиты прав акционеров.

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 2 апреля 1997г. №4/8 «О некоторых вопросах применения ФЗ «Об акционерных обществах» п.10 акционеры могут обжаловать в суд решения совета директоров и исполнительного органа не только в случаях, предусмотренных ст.53 и 55 Закона «Об акционерных обществах», но и во всех других случаях, если принятое решение не отвечает требованиям закона, иных нормативных актов и нарушает права и охраняемые законом интересы акционеров¹.

Все же на сегодняшний момент приходится констатировать отсутствие реальной возможности оспаривания действий членов органов управления хозяйственных обществ. Неутешительные выводы о затруднительности эффективного разрешения конфликтов и невозможности привлечь к ответственности членов органов управления, подтверждаются примерами обобщения судебной практики. Например, из 1635 споров с участием акционеров, рассмотренных арбитражным судом г. Москвы в 2004 г., ни один не был связан с возложением ответственности на членов органов управления обществ.²

Приведенные примеры судебной практики, позволяющие выявить общие тенденции в отношении защиты прав и законных интересов акционеров, иллюстративно доводят до студентов учебный материал, стимулируют формирование творческого подхода, умения выбора правильного решения. Несмотря на то, что объем работы не позволяет раскрыть все существенные моменты практической реализации норм права, даже представленные примеры судебной практики и ее обобщение позволяют показать возможность оптимизации учебного процесса, повышения его эффективности. Судебная практика красноречиво свидетельствует о фактах, ускользаемых при оперировании исключительно энциклопедическими знаниями. Лишь с учетом доведения до студентов примеров судебной практики возможно формирование полноценного представления о той или иной дисциплине. Именно поэтому в формируемых учебно-методических комплексах преподавателями используются ссылки на примеры судебных решений.³

¹ ² Метелева Ю.А. Правовое положение акционера в акционерном обществе. М.: Статут,1999.-С.157.

² См.: Концепция развития корпоративного законодательства на период до 2008 г. // Закон. 2006. №9. С. 12.

³ Летута Т.В. Рабочая программа по дисциплине «Коммерческое право». 2006г., Летута Т.В. Методические указания «Планы семинарских занятий «Коммерческое право». 2006г., Летута Т.В. Органы управления акционерными обществами в корпоративном праве.- Учебное пособие. - Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2006.-120с., Летута Т.В. Методические указания «Практикум по коммерческому праву»

Новые социально-экономические реалии требуют пересмотра системы профессионального образования в сторону усиления его практической и личностной ориентированности. Важно научить студентов не просто учиться, но и думать, свободно ориентироваться в огромном потоке информации и находить оптимальные решения в нестандартных ситуациях. Важно не только то, что знают выпускники ВУЗов, но и как они умеют реализовать свой личностный потенциал. Важно не только выдерживать конкуренцию, но и побеждать, проявляя лидерские качества.

Неретин Н.Н. Некоторые вопросы использования активных методов обучения в методике преподавания уголовно - процессуального права с учетом использования результатов обобщения следственно – судебной практики

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

В ходе преподавания уголовно - процессуального права студентам юридического факультета ГОУ ОГУ особенно при проведении лекционных и семинарских занятий, было выявлено несколько особенностей восприятия студентами преподаваемого им материала. Эти особенности напрямую связаны с подачей материала непосредственно преподавателем. От того, как будет происходить построение того или иного занятия, напрямую зависит и качество усвоения студентами научного и практического материала. Именно связь науки и практики применения норм уголовно - процессуального законодательства должно использоваться преподавателями.

Совершенствованию преподавания уголовно - процессуального права способствует проведение занятий с использованием деловых игр, в ходе которых студенты, выступая в роли сотрудника правоохранительных органов (следователя, работника органов дознания, прокурора), решает комплексные задачи, относящиеся к различным разделам уголовного - процессуального права. Полезны занятия в форме обсуждения спорных вопросов УПК, на которые приглашаются практические работники органов внутренних дел, суда, прокуратуры.

Эффективность внедрения активных форм обучения во многом зависит от правильного использования в учебной работе технических средств обучения. Так, преподавателями кафедры уголовного процесса Оренбургского государственного университета серьезное внимание уделяется использованию мультимедийного проектора при проведении лекционных занятий, проведение семинарских занятий на учебных полигонах.

При применении мультимедийного видеопроектора преподаватель получает возможность показывать на интерактивном экране изображения схем, таблиц, рисунков, графиков, фотографий и др.

Также нужно отметить, что интенсивно используются кафедрой уголовного процесса технические средства контроля знаний, позволяющие оперативно оценить уровень усвоения студентами учебного материала, повысить эффективность управления их познавательной деятельностью. Для проведения такого контроля используется специальная компьютерная аудитория на кафедре «Информационные технологии» с тестовыми заданиями по изучаемой теме. На наш взгляд, целесообразно использовать в учебном процессе данные виды контроля знаний студентов.

1. Широкое применение в процессе преподавания уголовно - процессуального права, активных форм обучения, осуществляемое в связи с реформой высшей школы, обуславливает и совершенствование системы самостоятельной работы студентов. По нашему мнению, перспективными представляются использовать в дальнейшем следующие формы работы со студентами:

2. письменные домашние задания (командные и индивидуальные), которые выполняются на компьютере в электронном варианте с использованием слайдов с привлечением ресурсов Интернета. Ответ на данное задание должно проводиться в форме презентаций и группового обсуждения;

3. подготовка студентами, с учетом результатов анализа судебной практики, курсовых работ, рефератов, докладов по отдельным темам курса, выступление по которым должно проводиться также в форме презентации с использованием мультимедиа и интерактивного экрана;

4. изучение материалов опубликованной судебной и следственной практики, прокурорского надзора с составлением собственных обобщений, аналитических выводов, заключений, рекомендаций, которые в дальнейшем будут использоваться;

5. изучение и краткое конспектирование монографий, другой юридической литературы, постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации по уголовно-процессуальной проблематике;

6. подготовка схем, других наглядных пособий по отдельным разделам курса уголовно - процессуального права и также групповое их изучение.

Внедряя активные формы обучения, необходимо помнить об их воспитательном потенциале. Любой вид занятий по уголовно - процессуальному праву направлен на воспитание у студентов не только профессиональных качеств, но и логико-правовому мышлению в области применения уголовно – процессуальных норм, высокой правовой культуре.

Применение игрового моделирования в процессе уголовно - процессуальной подготовки студентов позволяет имитировать конкретную ситуацию, связанную с практикой применения уголовно – процессуального законодательства РФ, когда предстоит найти правильное решение, соответствующее реальным обстоятельствам. При этом обычно используется не только учебно-программный материал, но, что особенно важно, вырабатываются умения и навыки логического мышления, пробуждается стремление к поиску новых идей, стремление к творчеству и коллективному взаимодействию, оттачивается речь студентов – участников игры.

В ходе проведения деловых игр и коллективного обсуждения их результатов у студентов формируется важные социальные установки, приобретаются практические навыки и умение находить решения конкретных задач, связанных с той или иной темой учебного курса. Будучи чрез-

вычайно динамичным процессом, деловая игра развивает навыки принятия решений, анализа ситуаций и планирование действий на будущее.

Студенты охотно учатся, когда им интересно, когда они находят свою собственную дорогу в обучении. Деловые игры дают им такую возможность, если они свободно решают свои собственные проблемные ситуации и участвуют в составлении и развитии своих учебных планов.

Также необходимо подробнее обговорить и фактор привития студентам уголовно – процессуальной культуры при производстве деловой игры. При самостоятельной подготовке к игре студенты неоднократно обращаются к той или иной уголовно – процессуальной литературе, к мнениям многих ученых процессуалистов, известных судебных ораторов, тем самым черпают то, как правильнее и красноречивее строить свою речь.

Все человеческие мысли выражаются посредством языка, языкового общения. Язык как система реализуется только в речи и только через нее выполняет свое коммуникативное назначение — быть средством общения. Речь — это последовательность единиц языка, организованная по его законам и в соответствии с потребностями передаваемой информации. В данном направлении необходимо затронуть такую категорию, как культура речи студента, как будущего специалиста, что это за категория, как она понимается студентами юридического факультета?

Культура речи понимается как умение использовать в конкретной ситуации такие языковые средства, которые позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении коммуникативных задач. Это употребление единственно нужных слов и грамматических конструкций в каждом конкретном случае.

Культура речи студента в значительной степени обусловлена культурой мышления, сознательной любовью к языку и уважением к себе как к личности. Основным критерий культуры речи студента — нормативность, которая понимается как точность, правильность, чистота речи. Это умение точно, в соответствии с нормами литературного языка выражать мысли, без употребления жаргонных, диалектных и просторечных слов.[1]

Высшим уровнем культуры речи как будущего специалиста является речевое мастерство, заключающееся в умении ясно (доходчиво), логично и убедительно раскрывать мысли при использовании большого разнообразия грамматических конструкций. Важно передать информацию не только грамотно, но и экспрессивно; не штампованными, надоевшими словами, а по-своему, самобытно, индивидуализировано. Речевое мастерство включает в себя умение найти наиболее точное, значит, наиболее подходящее для конкретной ситуации и стилистически оправданное средство языка. Речевое искусство предполагает и умение пользоваться риторическими приемами, способствующими эмоциональному, психологическому воздействию.

Важно ли для студента юридического факультета, будущего выпускника уголовно – правовой специализации, владеть культурой речи? Безусловно, важно. Для юриста умение хорошо говорить — это прямая профессиональная необходимость. Прежде всего, необходимо отметить, что профессия юриста требует не только профессионального мастерства, но и широкого общего образования. По глубокому убеждению А.Ф.Кони, «юрист должен быть человеком, у которого общее образование идет впереди специального». И независимо от его коммуникативной роли — составляет ли он законопроекты, ведет дознание, оформляет гражданские сделки, выносит приговоры, защищает права подсудимых, следит за законностью судебных решений – он правовед, разъясняющий гражданам нормы права.

Крайне важно, чтобы общение в правовой сфере соответствовало требованиям правовой культуры, одной из составных частей которой ученые - юристы считают культуру речи. От уровня культуры речи во многом зависит престиж органов предварительного расследования, правосудия.

По нашему мнению о культуре устной юридической речи следует говорить и потому, что в юриспруденции каждое слово не только несет информацию, но и оказывает большое психологическое воздействие. Студенты уголовно – правовой специализации, будущие специалисты должны очень грамотно и точно изъясняться, составлять процессуальные документы, и именно это их отличает от остальных профессий, грамотно и красноречиво говорить.

[1] Бородовский Г. А. Новые технологии в обучении: вопросы терминологии // Педагогика. - 1998. - №5. - С.12-15.

Обухова С.С., Курманенко О.В. Значение анализа эмпирического материала для выполнения исследовательских научных работ

**Бузулукский гуманитарно-технологический институт
(филиал) ГОУ ВПО ОГУ, г.Бузулук**

В наиболее обобщенном виде бесспорным является тезис о том, что право, практика и наука в своей совокупности образуют тот перечень источников, которые необходимы для написания курсовой, дипломной работ, диссертационного исследования. Однако для целей правоприменительной деятельности недостаточно просто назвать эти источники. Необходимо четко детализировать и конкретизировать их содержание. Рассмотрим специфику анализа правоприменительной практики более подробно.

А.Ф. Лубин отмечает, что выявлять и расследовать преступления можно и нужно на ранних стадиях их совершения, путем анализа нормативной базы и связанных с нею следов преступной деятельности - к вероятным способам преступлений, а от них - к преступникам¹.

Вопрос о влиянии норм права и, соответственно, наук на методику расследования преступлений по-прежнему остается малоисследованным. Зачастую авторы, включив соответствующую главу в свое исследование, ограничиваются лишь конспективным изложением тех или иных правовых норм, обычным комментарием отраслевого законодательства, без анализа закономерностей, влияющих на совершение преступлений и практику их предупреждения и расследования.

Обобщение материалов правоприменительной деятельности выступает как источник методических рекомендаций, и как критерий их истинности, эффективности². В науке, строго говоря, принято считать, что речь идет не только о следственной практике. Выделяются две области человеческой деятельности: во-первых, это – криминальная деятельность и, во-вторых, ее антипод – деятельность по расследованию преступлений. Применительно к каждой из этих областей наука формирует конкретные цели их изучения.

Изучение и использование этих двух областей человеческой деятельности позволяет грамотно и обосновано формировать рекомендации по внесению изменений и дополнений в законодательство, а также обогащает методику расследования отдельных видов преступлений. Немаловажно, что исследовательские работы молодых ученых имеют тем большую ценность, чем более обширные материалы практики в них изучены.

¹ Лубин А.Ф. Криминалистическая характеристика преступной деятельности в сфере экономики: понятие, формирование, использование: Учебное пособие. – Н. Новгород, 2001. – С. 12, 21 - 28.

² Белкин Р.С. Курс криминалистики: Учеб. пособие для вузов. 3-е изд., дополненное. – М., 2001. – С. 759.

Но изучение только материалов уголовных дел и судебную практику «обедняет» исследование и не позволяет объективно оценить реальное положение дел. Немаловажное значение имеет изучение и «неуголовной» практики: условий жизни и воспитания лица, совершившего преступление; личностных качеств; состояния психического здоровья, моральных принципов; влияния на поведение лица его окружения и т.д.

Это позволит не только верно применить наказание к конкретному лицу, но и объективно оценить состояние того или иного вида преступности в стране, регионе, городе.

Характерно, что в новейших методиках расследования преступлений настойчиво подчеркивается необходимость использования опыта «неуголовной» практики¹.

На основании вышесказанного автор предлагает программу сбора сведений о конкретном уголовном деле, на основании которой возможно анализировать и обобщать материалы следственной и судебной практики для выполнения различных исследовательских работ.

Программа изучения уголовного дела

- 1. Категории преступлений по изученным делам.
- 2. Данные о лицах, привлеченных к уголовной ответственности (возраст, образование, сведения о занятости, семейное положение, наличие несовершеннолетних детей, наличие судимости, данные о состоянии на учете у нарколога, у психиатра).
 - Сведения об объекте посягательства (основной объект, дополнительный объект, факультативный объект).
 - Форма вины совершенного преступления.
- 5. Наличие мотива преступления
- 6. Наличие специальной цели
- 7. Общий или специальный субъект преступления
- 8. Наличие обстоятельств, смягчающих и отягчающих уголовную ответственность (указать какие)
 - 9. Количество уголовных дел (определенной категории), возбужденных ОВД за исследуемый период
 - 10. Количество уголовных дел, расследованных
 - 11. Количество уголовных дел, следствие по которым приостановлено (с указанием причины)
 - 12. Количество уголовных дел, прекращенных на стадии предварительного расследования (причины прекращения)
 - 13. Количество уголовных дел, переданных в суд для рассмотрения и вынесения приговора
 - 14. Анализ разницы в п.п. 9, 10, 13 (с указанием причин)

¹ Леднев А.И. Криминалистическая методика расследования преступлений, совершаемых при осуществлении кредитных операций: Дис... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2000. – С. 8, 185 - 190.

- 15. количество уголовных дел, по которым вынесен обвинительный приговор
- 16. Количество уголовных дел, по которым вынесен оправдательный приговор
- 17. Количество уголовных дел, по которым осуществлена переквалификация в судебном заседании
- 18. Анализ причин, послуживших вынесению оправдательного приговора и переквалификации.
- 19. Вид, размер (срок) наказания, назначенного судом.
- 20. Подавались ли кассационные жалобы, основания обжалования
- 21. Результат рассмотрения кассационной жалобы (удовлетворена полностью; удовлетворена частично; в удовлетворении отказано).
- 22. Подавались ли надзорные жалобы, основания обжалования, результаты рассмотрения.

После изучения материалов уголовных дел по данной схеме необходимо сделать выводы по каждому пункту программы, проанализировать частоту встречаемости конкретного вида преступления или группы преступлений, выявить причины совершения преступления, определить основные направления профилактики и предупреждения отдельных видов преступлений.

Материалы судебной практики и постановления Пленума Верховного Суда РФ (РСФСР), которые будут изучаться, и анализироваться, позволяют, на наш взгляд, не только раскрыть содержание соответствующих норм, но и понять, какие ошибки допускаются при их применении. Статистические данные о числе осужденных помогут уяснить истинную картину борьбы с преступлениями и поставить вопрос о том, почему некоторые статьи УК РФ не применяются.

Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ Принят ГД ФС РФ 24.05.1996 (в редакции ФЗ от 24.07.07 № 214-ФЗ) //Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Белкин Р.С. Курс криминалистики: Учеб. пособие для вузов. 3-е изд., дополненное. – М., 2001. – С. 759.
3. Леднев А.И. Криминалистическая методика расследования преступлений, совершаемых при осуществлении кредитных операций: Дис... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2000. – С. 8, 185 - 190.
4. Лубин А.Ф. Криминалистическая характеристика преступной деятельности в сфере экономики: понятие, формирование, использование: Учебное пособие. – Н. Новгород, 2001. – С. 12, 21 - 2

Саблин Д.А. Пределы и эффективность правового регулирования

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Регулированию не должно подлежать всё, пускай даже правовому, пределы такого регулирования должны быть чётко обозначены. Если этого не происходит, то возможны следующие ситуации:

Существует концепция «государства - ночного сторожа», такое государство регулирует лишь наиболее важные общественные отношения, вследствие чего сфера правового регулирования оказывается сильно зауженной, отсюда хаос и произвол в нерегулируемых сферах жизни.

Если же ситуация складывается наоборот, т.е. сфера правового регулирования слишком расширена, то уже ничто иное, как тоталитарное государство (которое контролирует каждый шаг своих граждан), отсюда социальная пассивность граждан.

В научной литературе можно выделить две основных точки зрения на способ определения пределов правового регулирования:

В сферу правового регулирования должны входить лишь общественные отношения, которые обладают определёнными признаками:

а) это отношения, в которых заключены как индивидуальные интересы общества, так и интересы общесоциальные;

б) в этих отношениях реализуются взаимные интересы их участников, каждый из которых идёт на какое-то ущемление своих интересов ради удовлетворения интересов другого;

в) эти отношения строятся на основе согласия выполнять определённые правила, признания обязательности этих правил;

г) эти отношения требуют соблюдения правил, обязательность которых подкреплена достаточно действенной силой. Практика показала, что в сферу правового регулирования входят три группы общественных отношений, отвечающих перечисленным признакам:

Отношения людей по обмену ценностями (материальными и нематериальными).

Отношения по властному управлению обществом.

Отношения по обеспечению правопорядка.

Сфера правового регулирования определяется с позиции возможного и необходимого правового регулирования.

Определяется верхняя и нижняя граница. Верхняя граница - возможный предел правового регулирования. Нижняя граница - определяется важностью общественных отношений для государства и общества¹.

Эффективность механизма правового регулирования.

¹ Теория государства и права: Учебник для вузов / Под ред. М.М. Рассолова, В.О. Лучина, Б.С. Эбзеева.

Под эффективностью правового регулирования подразумевается соотношение между результатом правового регулирования и стоящей перед ним целью¹. Целями механизма правового регулирования являются следующие:

Во-первых это совершенствование правотворчества. В этом процессе в правовых нормах наиболее полно выражаются общественные интересы и закономерности, в рамках которых они будут функционировать.

Необходимо создать такое положение, с помощью юридических и информационно-психологических средств, когда соблюдение закона станет выгоднее его нарушения. Также нужно повысить уровень вероятности в достижении ценности и значительно снизить уровень вероятности в установлении препятствий этому процессу.

Следующей, не менее значительной, целью является совершенствование правоприменения, которая дополняет действенность механизма правового регулирования.

За счет актов правоприменения, которые в нужный момент подключаются к нормативному регулированию, идет процесс наибольшего удовлетворения интересов.

Функционирование нормативного регулирования и правоприменения вместе просто необходимо, так как взятые отдельно эти элементы начинают показывать уязвимые места: нормативное регулирование без усмотрения превращается в формализм, а правоприменение без общих правил – в произвол. Именно поэтому механизм правового регулирования обязан взаимосвязывать различные правовые средства, представляющие разные виды правового регулирования, который дает управленческому процессу дополнительные возможности.

Наилучшее сочетание различных управленческих методов в одном механизме придает ему гибкость и универсальность, снижает сбои и остановки в его функционировании. От лучшего выбора правовых средств в конечном счете зависит достижение целей правового регулирования, а значит и эффективность права в целом. Но любой неверный выбор юридических средств, приемов, заложенных в нормативной основе правового регулирования приводит к сбоям в реализации права, торможению правового эффекта.

Такая цель как повышение уровня правовой культуры субъектов права, безусловно влияет на качество всего механизма правового регулирования, на укрепления законности и правопорядка².

Главным ориентиром развития и совершенствования элементов механизма правового регулирования являются интересы человека. Механизм правового регулирования должен постоянно быть социально цен-

¹ Теория права и государства в схемах и определениях: Учебное пособие Составители Бабаев В. К., Баранов В. М. Толстик В. А.

² Сырых В.М. Теория государства и права. Учебник для вузов.

ным по своему характеру, создавать благоприятные условия для реализации законных целей личности, упрочению его правового статуса.

Наличие правового регулирования дает возможность посредством правовых норм и иных юридических средств воздействовать на общественные отношения в целях их упорядочения, развития и защиты.

Хотелось бы также отметить, что вопрос о механизме правового регулирования является важным и довольно дискуссионным в правовой науке. Как мы смогли убедиться, каждый из известных правоведов имеет собственную точку зрения, отличную от других, что делает этот вопрос еще более интересным. Интересы человека - вот главный ориентир для развития и совершенствования элементов механизма правового регулирования, повышения их эффективности. Выступая своего рода юридической технологией удовлетворения данных интересов, механизм правового регулирования должен быть постоянно ценным по своему характеру, должен создавать режим благоприятствования, осуществлению законных стремлений личности, упорядочению её правового статуса.

В любом обществе ставится задача обеспечить высокую эффективность механизма правового регулирования, включая совершенствование законодательства, улучшение эффективности и качества применения права, усиление правовой активности граждан, различных общественных организаций, подъем общей правовой культуры, совершенствование правового воспитания.

Изучение механизма правового регулирования играет важную роль в понимании каждым юристом динамики воздействия на общественные отношения всех юридических средств в едином комплексе. Значение единства и взаимодействия в механизме правового регулирования весьма существенно для укрепления правовой основы государственной и общественной жизни.

Серяева И.Ю. Принципы организации конституционного правосудия в Российской Федерации

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Разработка проблем конституционного правосудия закладывалась учеными-юристами в контексте развития теории правового государства. Эти проблемы исследовались, прежде всего, представителями науки конституционного (государственного) права. Исследование судебной власти как особой формы государственной власти предполагает необходимость анализа конституционных принципов её организации и функционирования. Данные принципы выступают как наиболее общие политико-правовые требования, выражающие содержание данного явления и исходящие от социального носителя государственной власти -многонационального народа России.

Проблема изучения принципов организации и функционирования судебной власти неоднократно являлась предметом исследования правоведов. По мнению Р.В. Енгибаряна, автора монографического исследования «Сравнительное конституционное право», «статус судебной власти раскрывается в первую очередь путем формулирования принципов её осуществления»¹. Вместе с тем, учёные полагают, что имеющийся опыт исследования носит несколько односторонний характер, так как предметом изучения зачастую являются конституционные принципы организации и функционирования правосудия, которые хотя и являются самостоятельным видом государственной деятельности и одной из наиболее важных форм реализации судебной власти, тем не менее, не раскрывает в полном объеме всю сферу её реализации.

В то же время следует отметить, что характеристика принципов осуществления правосудия во многом раскрывает и сущность принципов судебной власти в целом. Правосудие как форма государственной деятельности входит в систему судебной власти и как один из её элементов осуществляется на основе тех принципов, то есть общих положений, которые отражают существо исследуемого явления.

После второй мировой войны широкое распространение получили сравнительно-правовые исследования конституционной юрисдикции в странах Запада (США, Великобритании, Канаде, в Скандинавских государствах). Традиционно конституции включают в себя нормы, касающиеся следующих элементов правового статуса органов конституционного контроля: наименование и положение органа в системе иных органов власти, способ его формирования, структура, состав, статус его членов, компетенция и полномочия, инициатива конституционного разбиратель-

¹ Енгибарян Р.В. Сравнительное конституционное право: учебное пособие. М., 2005. С. 218.

ства, юридическая сила решения органа конституционного контроля и его опубликование.

Некоторые конституции ограничиваются только закреплением статуса органа конституционного контроля, регламентируя его структуру, полномочия, компетенцию, деятельность и т.д. То есть, его положение среди иных государственных органов, принадлежность или не принадлежность к судебной ветви власти, его цели и задачи, а также определение его как органа конституционного контроля должно, по мысли законодателя, вытекать из вышеперечисленных элементов его правового статуса и совокупности норм, относящихся к нему. Так обстоит дело с французским Конституционным советом, который предстает в качестве органа конституционного контроля только при анализе конституционных норм и норм соответствующего законодательства, в то время как прямое определение его в качестве последнего отсутствует как в Конституции, так и в законе. Аналогичный подход мы можем встретить в конституциях и законодательстве, посвященном Конституционному суду Италии, Конституционному суду Австрии, Арбитражному суду Бельгии. Среди всех государств наиболее подробный подход к вопросу определения органа конституционного контроля наблюдается в законодательстве Португалии. Раздел VI части III Конституции Португалии посвящен Конституционному суду. Особенностью этого раздела является то, что статья 221 называется «Определение» и, соответственно, содержит последнее. Согласно ему, португальский Конституционный суд - «это суд, который имеет особую компетенцию отправлять правосудие по делам как правового, так и конституционного характера». Сходно с другими государствами, португальский Закон об организации, работе и процедуре в Конституционном суде закрепляет, что юрисдикция Конституционного суда распространяется на всю португальскую правовую систему (ст. 1 Закона). Закон о Конституционном суде Испании, в отличие от законодательства других стран, по вопросу голосования кандидатур на должности судей отсылает к Конституции. В самом законе ст. 16 устанавливает, что судей Конституционного суда назначает Король по рекомендации Палат, Правительства и Генерального совета судебной власти. Для принятия решения о выдвижении кандидатур судей и Конгресс, и Сенат должен проголосовать большинством в три пятых голосов его членов (ст. 159 Конституции).

Существенное значение в контексте действия принципов правового государства имеет институт судебного конституционного контроля за правомерностью законов и других правовых актов и действий всех властей для обеспечения верховенства и прямого действия конституции в обществе и государстве.¹ В отечественной научной литературе по конституционному праву существуют серьезные исследования, посвященные конституционным принципам судебной власти и конституци-

¹ Ершов В.В. Статус суда в правовом государстве. — М., 1992.- С.45.

онного правосудия. Однако система этих принципов определяется неоднозначно различными авторами. Недостаточно проанализирована юридическая природа этих принципов, формы и уровни их реализации. Под конституционными принципами судебной власти следует понимать закрепленные в Конституции РФ и в федеральных конституционных законах основополагающие, руководящие начала и идеи, положенные в основу организации и деятельности судебной власти, выражающие демократическую сущность и образующие единую систему, осуществляя которые государство решает стоящие перед ним задачи и достигает намеченных целей.

Такие важные правовые формы, как судебный контроль в государственном управлении и судебный конституционный контроль, сравнительно недавно приобрели функциональное значение и стали самостоятельными формами реализации судебной власти. Да и само понятие судебной власти, как уже было отмечено, является новым для нашей правовой системы. Поэтому судебная власть и новые формы её реализации восприняли те основные начала, на которых базировалось осуществление правосудия, дополнив их новым значением и содержанием¹. Принципы судебной власти, отражающие её природу, имеют вполне объективное содержание. Они выражают уровень правосознания в обществе. Правосознание черпает для себя материал во всей полноте реальной жизни, а не только в правовых отношениях, ибо ни одна из форм общественного сознания не действует изолированно от других.²

Реализация конституционных принципов судебной власти обеспечивается системой общих и специальных гарантий.

К общим гарантиям относятся: политические - демократический политический режим, предполагающий деятельность органов конституционного правосудия на основе признания международных стандартов прав человека, осуществление принципа разделения властей, формирование независимой и самостоятельной судебной власти; юридические - провозглашение России правовым государством, закреплением в Конституции принципа законности; экономические или материальные; духовные - достаточно высокий уровень обыденного правосознания граждан. Эти гарантии могут быть обеспечены с помощью широкой правовой информации среди населения, формирования чувства уважения к суду и закону. К специальным гарантиям относятся специальные юридические (конституционные), финансово - правовые и иные гарантии.

В конституционном процессуальном праве принцип законности является спорным и некоторыми авторами не упоминается. В современной

¹ Зорькин В. Д. Качество правосудия — это вопрос конституционный // Российский судья 2005. № 1. С. 8.

² Матузов Н.И. Теория государства и права: курс лекций. М., 2005. С. 149-154.

теории права законность неизменно трактуется двояко: во-первых, как один из основополагающих принципов организации государственной и общественной жизни, а во-вторых - в качестве ее особого режима, обеспечивающего неуклонное исполнение законов всеми субъектами правоотношений.

К числу основных принципов законности в данном случае следует отнести: Принцип верховенства Конституции над иными законами и нормативными правовыми актами, который определяет основу иерархии российского законодательства, развитую в других статьях федеральной Конституции. Принцип прямого действия Конституции. Принцип всеобщей обязательности требований Конституции и законов. Принцип обязательного официального опубликования законов. Принцип обязательного официального опубликования нормативных правовых актов, которые в той или иной мере затрагивают права и свободы человека и гражданина. Принцип примата международного права в отношении национального законодательства. Итак, из общих норм статьи 15 Конституции Российской Федерации вытекают по меньшей мере 6 главных принципов, которые в совокупности образуют основу понятия законности в современной России.

Так, к числу главных принципов законности, безусловно, следует отнести еще два. Первый – принцип примата прав и свобод человека и гражданина в законодательстве и правоприменительной практике, составляет краеугольный камень конституционного строя Российской Федерации. Статья 17 Конституции не только признает, но и гарантирует права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией. Кроме того, статья 18 гласит, что права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Следующий принцип, прямо связанный с предыдущим, – принцип непосредственного действия прав и свобод человека и гражданина, закрепленный в той же статье 18. Несмотря на тесную связь и единый предмет – права и свободы человека и гражданина, определенные главой 2 Конституции, на основе которого формулируются оба принципа, их все же следует считать самостоятельными, ибо приоритетность этих прав и свобод отнюдь не означает их непосредственного действия.

Аналогичный механизм предусмотрен и в отношении принципа прямого действия Конституции именно этот принцип осуществляет Конституционный Суд РФ. Здесь также возможны сколь угодно множественные ситуации, когда в результате законодательной и правоприменительной практики будут приниматься и действительно принимаются законы и иные нормативные правовые акты, как противоречащие Конституции, так и существенно искажающие смысл ее норм.

В противовес этому принцип прямого действия Конституции предполагает создание действенного механизма, вынуждающего законодателей и правоприменителей к коррекции соответствующих элементов правовой системы в направлении их постоянного приведения в соответствие с требованиями Конституции Российской Федерации. Все это в совокупности имеет приоритетную направленность на создание в рамках режима законности постоянно действующего механизма, основанного на принципе обратной связи, который обеспечивает незыблемость основ конституционного строя России.

Холдобин Д.В., Макурова М.Н. Значение судебной практики как источника права

Бугурусланский филиал Оренбургского государственного университета, г. Бугуруслан

Научные исследования в области теории и истории права, истории политических и правовых учений невозможны без обращения к проблемам источников (форм) права. Однако поиск их теоретических и исторических основ актуален не только для теоретико- и историко-правовых наук (где эта проблема является ключевой), но и для отраслевого законодательства. Не случайно в наше время теория источников права стала активнее развиваться не только в общетеоретических трудах, но и в отраслевых научных разработках. Весьма показательным является тот факт, что и законодателю и правоприменителю в настоящее время всё чаще приходится обращаться к теоретическим наработкам в данной области и историческому опыту человечества в выборе источников права.

Принято различать три основных источника права - нормативный юридический акт, обычай и судебный прецедент. В числе нормативных актов приоритетное значение имеют законы как акты высшей юридической силы. Также в числе источников называются нормативные договоры, имеющие подзаконный характер, принципы правосудия.

В качестве самостоятельной группы источников могут рассматриваться обобщения судебной практики в виде постановлений Пленумов Верховного, Высшего Арбитражного Судов РФ. В ходе конкретизации правовых норм Пленумы создают в рамках и на основе закона правовые позиции, которые являются результатом обобщения судебной практики. Основное назначение разъяснений Пленумов - толкование закона в формах разъяснения закона и в форме создания подзаконных юридических норм - правовых позиций.

В последнее время в странах континентальной Европы стала признаваться нормотворческая роль судебной практики. Признание судебной практики в качестве источника права не умаляет полномочий законодательной и исполнительной власти. Суды выполняют только им присущие полномочия, которые не могут быть выполнены другими органами. Возрастание роли суда в жизни общества с необходимостью приводит к выполнению судебной практикой нормотворческой функции. Это и происходит в российской действительности.

В юридической литературе содержание понятия «судебная практика» раскрывается по-разному. Большинство авторов к судебной практике относят: а) решения высшей судебной инстанции по конкретным делам, связанным с толкованием и применением права, когда в правоприменительной практике отсутствует однозначное понимание (толкование) правовых норм; б) практика применения законодательства, содержащаяся в

особых актах высшей судебной инстанции, в которых данные практики обобщенно формулируются в виде предписаний нижестоящим судам.

Источником права в современных условиях становится судебная практика в самых разнообразных ее формах. При всей противоречивости высказанных по вопросу о месте судебной практики суждений большинство специалистов разделяют вывод о том, что судебная практика имеет как правообразующее, так и правореализационное значение. Она может быть выражена в форме судебных актов международных органов правосудия, постановлениях Конституционного Суда РФ, Президиума и Пленума Верховного Суда РФ и в определенной мере - Высшего Арбитражного Суда РФ. В условиях осуществления государственного устройства России на принципе разделения властей (ст. 10 Конституции РФ) совершенно иначе можно поставить вопрос о правотворческих возможностях суда и роли судебной практики в правовом регулировании и правоприменении. Концепция судебного прецедента оказывается весьма плодотворной. Судебная практика в современных условиях не только выступает в качестве предварительной ступени к последующему нормативному регулированию, но и сама становится непосредственным источником такого регулирования.

Причин к тому несколько. Во-первых, суды оказывают воздействие на законодательную и исполнительную власть путем принятия своих актов, контролируя акты иных органов власти. Судебная практика является ориентиром для последующего правотворчества и правоприменения, особенно позитивна в этих процессах роль Конституционного Суда РФ.

Во-вторых, усложняется правовая система. Есть определенные границы детализации законодательных актов, за пределами которых она теряет смысл и закон становится сборником казусов. Гегель справедливо замечал, что «в частном праве так называемое совершенство есть постоянное приближение». В настоящее время невозможно дать в федеральных законах и иных нормативных правовых актах полную и исчерпывающую кодификацию всего законодательного материала, решить все возможные вопросы, особенно взаимодействия с другими правовыми актами. Поэтому судебный прецедент выполняет важнейшие функции, ориентируя субъектов гражданского оборота и нотариусов на вполне определенные варианты правопонимания и правоприменения.

Так, например, нормы законодательства о налогах и сборах и принятые в соответствии с ним подзаконные акты являются одними из самых многочисленных, обновляемых законодателем с завидной периодичностью и в силу этого наиболее противоречивых, поэтому роль судебной практики при их применении уже давно стала значимой при определении позиции в конкретной ситуации.

Согласимся с мнением, что судебная практика, как источник права, позволяет говорить о нормотворческой деятельности судов, т. е. в перспективе судебные решения могут инициировать процедуру внесения

изменений в действующее законодательство. Кроме этого, судебные органы в силу своей основной правоприменительной деятельности имеют информацию о пробелах в праве. Они обладают квалифицированным аппаратом, способным к подготовке качественных законопроектов, а высшие судебные органы обладают правом законодательной инициативы. В общем виде судебные акты оказывают существенное влияние на применение налогового законодательства. Вышеизложенное дает основание для разработки новых направлений в рамках теории права и процесса, а именно изучение «судебной доктрины» как источника права и использования ее положений как предмета и метода доказывания, применительно к национальной правовой системе.

Через судебную доктрину, оказывающую влияние на правовое сознание и позицию сторон, разрабатываются и формулируются новые правила, которые на определенном этапе получают формальное закрепление в нормах права.

Судебная доктрина – совокупность прецедентных подходов к решению правовых ситуаций, позволяющих комплексно оценить деятельность субъекта правоотношений, выявить фактическое и волевое содержание его действий как субъекта экономического отношения, структурированного отношениями правовыми. Судебный прецедент – вынесенное по конкретному делу и вступившее в законную силу судебное решение или сформулированное высшим судебным органом в порядке обобщения судебной практики постановление, которое в дальнейшем при рассмотрении аналогичных по содержанию норм воспринимается как источник права. Эта ее роль проявляется в том, что именно доктрина создает словарь и правовые понятия, которыми пользуется законодатель. Важна роль доктрины в установлении тех методов, с помощью которых открывают право и толкуют законы. Добавим к этому влияние, которое доктрина может оказывать на самого законодателя: последний часто лишь выражает те тенденции, которые устанавливает доктрина. Доктрина влияет на законодателя, здесь она является лишь косвенным источником права. Но доктрина играет также роль в применении закона. И было бы трудно, не искажая действительности, отрицать за ней в этой сфере качество источника права. Поиск права – это задача, которая должна выполняться сообща всеми юристами, каждым в своей сфере и с использованием всех методов. При этом ими руководит общий идеал – стремление достичь в каждом вопросе решения, отвечающего общему чувству справедливости и основанного на сочетании различных интересов, как частных, так и всего общества. Изучение сущности указанной доктрины и ее эволюции имеет как отраслевое, так и общетеоретическое значение.

Объективно сложившаяся в российском праве ситуация такова, что по сравнению с предшествующими периодами в нем неизмеримо возросла роль судебной практики. Юристы вынуждены реагировать не только на законодательство, но и на судебную практику. Причем они ориентируются не только на практику высших судебных инстанций – Верховно-

го Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ, но и на практику нижестоящих судебных инстанций.

Формирование судебной практики следует рассматривать в качестве важнейшей составляющей правовой реформы. Для этого необходимы научные исследования в сфере разработки и создания методологии и методики сбора, обобщения и анализа современной судебной практики с использованием современных информационных технологий, причем применительно не только к высшим судебным инстанциям России, но и на уровне нижестоящих звеньев судебной системы.

Основная проблема преподавания - стремительно увеличивавшийся разрыв между теорией и практикой. Эта тенденция представляет серьезную угрозу как для подготовки высококвалифицированных специалистов, так и для законотворческой и правоприменительной деятельности.

Подготовка и переподготовка высококвалифицированных кадров в современных условиях невозможна без традиционных и новых методик преподавания, базирующихся на использовании материалов обобщения судебной практики.

Большое внимание наука уделяет изучению и обобщению судебной практики, выявлению типичных ошибок и других негативных явлений в связи с применением закона. На основе обобщения судебной практики правовой наукой формулируются научные рекомендации по ее совершенствованию, учеными проводятся занятия с практическими работниками. Все это в определенной мере способствует повышению качества и эффективности правоприменительной практики.

Судебная практика дает достаточно подтверждений того, что она становится источником права. Это позволяет говорить о целесообразности официального признания судебной практики в качестве самостоятельного источника права, а также об активном воздействии судебной практики на правотворческий процесс в России. Процесс сближения систем континентального и общего права продолжается, но он небезграничен. В рамках континентального права судебная практика приобретает значение источника права, но все же закон по-прежнему занимает приоритетное положение.

Регулярно проводимый мониторинг судебной практики выявляет многочисленные пробелы в законодательстве, устранение которых позволило бы качественно улучшить отправление правосудия в экономической сфере. Однако зависит это уже, к сожалению, не от судов, а от законодателя, который не всегда торопится исправлять свои ошибки.

В правовом государстве общественные отношения вообще, а в сфере экономики в частности должны быть основаны на четких правилах, закон должен быть гарантом стабильности. Отсутствие четких правил влечет за собой нестабильность в отношениях между хозяйствующими субъектами, а также в отношениях между хозяйствующими субъектами и государством; между гражданином и государством порождает от-

сутствие единообразной судебной практики; не гарантирует безусловную защиту законных прав и интересов сторон, а в конечном итоге подрывает авторитет всех государственных институтов. Практика показывает, что нужен качественно новый уровень законодательной работы.

Проблема законодательного признания за судом функций в сфере правотворчества не нова для отечественной юридической мысли. Она закономерно возникает в условиях реформирования социальных отношений как инструмент быстрого реагирования на появление новых социальных институтов. Вопрос о роли и значении судебной практики ставился учеными-правоведами еще в преддверии судебной реформы в Российской Федерации. Диапазон мнений огромен - от полного отрицания судебной практики как источника права до предложений о законодательном закреплении прецедентного права

Значительное влияние на отношение к судебной практике в России имеет процесс сближения двух правовых систем - англо-американской и континентальной. В настоящее время в странах состязательной системы правосудия наблюдается тенденция возрастания роли закона, а в континентальной - роли судебного прецедента.

Современное российское законодательство чрезвычайно мобильно и поэтому нуждается в существенных изменениях и дополнениях. Становление судебного (судейского) права как самостоятельной доктрины несколько не подрывает идею верховенства закона. Отношение государства к судебной практике является одним из проявлений правовой политики государства.

Таким образом, совершенно очевидно, что профессиональная деятельность учёного-юриста и в образовательной и в научно-исследовательской сферах в современных условиях базируется на анализе судебной практики. И, несмотря на то, что роль судебной практики как источника российского права еще до конца не определена, уже можно говорить о том, что в современных условиях судебная практика приобрела огромное значение для преподавательской и научной деятельности.

Чубаркина Н.Н. Некоторые аспекты влияния судебной практики на развитие аграрно – правовой науки

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Наука аграрного права – одна из специальных отраслей российской юридической науки. Её предметом являются теории, представления и идеи в которых отражается аграрное право как объективная реальность, сложившаяся на основе объединения взаимосвязанных норм, составляющих комплексную отрасль права¹.

Правовые нормы, из которых состоит аграрное право, правовая наука изучает как связанную внутренним единством целостную органическую систему, обладающую единым юридическим содержанием. Правовая наука изучает также практику применения аграрного законодательства федеральными органами государственной власти и субъектов федерации, органами местного самоуправления, сельскохозяйственными коммерческими организациями, крестьянскими (фермерскими) хозяйствами, органами юстиции, судов и прокуратуры.

Как отмечает профессор Козырь М.И. основное назначение аграрно- правовой науки России состоит в том, что она должна стать необходимым компонентом формирования такого законодательства, которое юридически обеспечивало бы нормальное функционирование российского агропромышленного комплекса и социальное развитие села².

Как самостоятельная отрасль права, аграрное право имеет свои источники. Классификация источников права достаточно подробно исследуется в юридической литературе³. Источниками аграрного права выступают: правовой обычай, нормативный правовой акт, правовой прецедент, договоры нормативного содержания, принципы права и юридическая доктрина, естественное право⁴.

Аналогией права, как источником права, пользуются при рассмотрении дел в гражданском и арбитражном судопроизводстве.

Наглядно это демонстрирует ст. 13 Арбитражного процессуального кодекса РФ, в п.6 которого содержится данное положение: В случае, если спорные отношения прямо не урегулированы федеральным законом и другими нормативными правовыми актами или соглашением сторон и отсутствует применяемый к ним обычай делового оборота, к таким отношениям, если это не противоречит их существу, арбитражные суды применяют нормы права, регулирующие сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии таких норм рассматривают дела исходя из общих

¹ Быстров Е.Г. Аграрное право: Учебник для вузов. – М.: Юристъ, 2000. – 534 с.

² Козырь М.И. Актуальные проблемы аграрного права России. – М.: Право и государство, 2004. с. 11.

³ Бобылев А.И. Источники (формы) права / Право и политика. 2003. №8.

⁴ Бобылев А.И. Теоретические проблемы аграрного права / Аграрное и земельное право. 2004. №1.

начал и смысла федеральных законов и иных нормативных правовых актов (аналогия права)¹.

Так, в качестве актов применения права на территории России сохраняют свое действие также постановления Пленума Верховного Суда Союза ССР, которыми было дано толкование высшим судебным органом страны о применении в порядке гражданского судопроизводства судебной защиты имущественных прав колхозов и уставных прав колхозников. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 апреля 1992 г. «О применении судами РФ постановлений Пленума Верховного Суда Союза ССР» разъяснено, что до принятия соответствующих законодательных актов РФ нормы бывшего Союза ССР и разъяснения по их применению, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР, могут применяться судами, в части, не противоречащей Конституции РФ, законодательству РФ, Соглашению о создании Содружества Независимых Государств².

Важной задачей российской аграрно-правовой науки является разработка научно-обоснованных рекомендаций по установлению либо совершенствованию правового положения сельскохозяйственных товаропроизводителей. Для обеспечения единства законности в сельском хозяйстве и улучшения рассмотрения гражданских дел, вытекающих из гражданских правоотношений, по спорам, одной из сторон в которых является сельскохозяйственное акционерное общество, товарищество, кооператив, крестьянское (фермерское) хозяйство, важное значение имеет постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 августа 1992г. «О некоторых вопросах подведомственности дел судам и арбитражным судам»³. Новый Федеральный закон «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» от 11.06.2003г. открывает широкий простор их развитию, определяет правовые, экономические и социальные основы создания и деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств, определяет его деятельность как предпринимательскую, без образования юридического лица. Оставшиеся же крестьянские (фермерские) хозяйства, созданные как юридические лица в соответствии с Законом РСФСР от 22 ноября 1990г. «О крестьянском (фермерском хозяйстве)» вправе сохранить статус юридического лица на период до 1 января 2010 года (ст. 23 п. 3 ФЗ от 11 июня 2003г.).

Такое положение порождает немало спорных ситуаций в судебной и арбитражной практике. Так, по делу о взыскании с главы крестьянского (фермерского) хозяйства «Олеся» Израева С.Д. суммы задолженности по страховым взносам в виде фиксированного платежа за 2003 год по заявлению управления Пенсионным Фондом, определением суда первой инстанции (Арбитражный суд Пензенской области) от 26.04.2004г. производство по делу прекращено;

¹ п.6 ст.13 Арбитражного процессуального кодекса РФ.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 1992. №7.

³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1992. №11.

постановлением суда апелляционной инстанции от 30.06.2004г. определение оставлено без изменения; федеральный арбитражный суд Поволжского округа постановлением от 16.09.2004 г. названные судебные акты оставил в силе.

Прекращая производство по делу, судебные инстанции исходили из того, что, поскольку крестьянское (фермерское) хозяйство зарегистрировано в качестве юридического лица, его глава не может быть признан предпринимателем. Требование же о взыскании страховых взносов в Пенсионный Фонд РФ предъявлено управлением фонда Израеву С.Д. как физическому лицу, поэтому данный спор не подлежит рассмотрению в арбитражном суде.

В заявлении, поданном в Высший Арбитражный Суд РФ, о пересмотре в порядке надзора определения суда первой и постановлений судов апелляционной и кассационной инстанций управление фонда просит отменить названные судебные акты, ссылаясь на неправильное применение судебными инстанциями норм процессуального права, нарушение единообразия судебной практики и необоснованный вывод о неподведомственности спора арбитражному суду.

Крестьянское (фермерское) хозяйство «Олеся», созданное гражданином Израевым С.Т. в соответствии с Законом РСФСР от 22.11.1990г. «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», приобрело статус юридического лица. Поскольку настоящий спор возник в связи с осуществлением главой КВХ предпринимательской деятельности, а в сфере отношений по обязательному пенсионному страхованию глава КФХ приравнен к индивидуальным предпринимателям, независимо от того, когда и в какой форме создано КФХ, такой спор подведомствен арбитражному суду.

При указанных обстоятельствах оспариваемые судебные акты в соответствии с п.1 ст.304 Арбитражного процессуального кодекса РФ подлежат отмене как нарушающие единообразие в толковании и применении арбитражными судами норм права¹.

Особо важную роль в повышении развития аграрно-правовой науки играет судебная практика, связанная с разрешением земельных споров. Такая практика разрешения земельных споров, одной из сторон в которых является гражданин, отражена в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 апреля 1992 г. «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении законодательства о земельной реформе»².

К так называемым чисто земельным спорам относятся споры, связанные с предоставлением земли, с прекращением права на земельные участки в предусмотренных земельным кодексом случаях, с нарушением земельных прав владельцев, пользователей и собственников земли.

Постановлением Пленума от 21 декабря 1993г. №10 «О рассмотрении судами жалоб на неправомерные действия, нарушающие права и

¹ Постановление Президиума Высшего Арбитражного суда РФ от 24.05.2005 № 15749/04.

² Бюллетень Верховного Суда РФ, 1992. №7; 1994. №3.

свободы граждан» Верховный Суд РФ разъяснил судам, что в соответствии с названной статьей Конституции и ст. 1, 3 Закона РФ от 27 апреля 1993 года "Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан" в суд могут быть обжалованы любые (в том числе единоличные и коллегиальные) действия перечисленных в Законе органов, организаций и должностных лиц, кроме действий (решений), проверка которых законодательством отнесена к исключительной компетенции Конституционного Суда РФ либо в отношении которых предусмотрен иной порядок судебного обжалования. В частности, такие споры могут возникнуть в связи с отказом в предоставлении гражданину земельных участков, с прекращением права собственности, владения, пользования земельным участком. Суд, признав жалобу обоснованной, выносит решение об обязанности соответствующих юридических и физических лиц устранить допущенные нарушения прав и свобод гражданина. Решение суда, признавшее отказ в предоставлении земельного участка неправомерным, является основанием для оформления права гражданина на земельный участок и подлежит исполнению в установленном законом порядке.

Пленум Верховного Суда РФ от 22 апреля 1992 года подчеркнул, что судам общей юрисдикции подведомственны требования граждан о признании неправомерным отказа местной администрации в предоставлении земельного участка для ведения личного подсобного хозяйства, строительства индивидуального жилого дома, для индивидуального садоводства и огородничества, для создания крестьянского (фермерского) хозяйства. Таким образом, законодательство и судебная практика идут по пути расширения судебного разрешения земельных споров, в целях повышения развития науки аграрного права.

Долгое время в аграрном праве оставался спорный вопрос определения понятия «сельскохозяйственная деятельность», «сельскохозяйственный товаропроизводитель», имеющие решающее значение для определения природы общественных отношений, регулируемых аграрным правом. В данные понятия, например, «сельскохозяйственная деятельность» применительно к предмету аграрного права вкладывается различный смысл. До недавнего времени понятие сельскохозяйственной деятельности ограничивалось лишь деятельностью сельскохозяйственных предприятий, объединений и граждан, занимающихся обработкой земли, производством продукции растениеводства и животноводства. И достаточно широко термин «сельскохозяйственная деятельность», «сельскохозяйственный товаропроизводитель» применялся прежде всего в налоговом законодательстве.

Неопределенность понятия «сельскохозяйственный производитель» как субъекта (участника) аграрных правоотношений в аграрном праве порождали и порождают спорные ситуации в толковании и применении законодательства.

Рассмотрим пример из материала арбитражной практики. Так, например, рыболовецкий колхоз 17.12.2003 г. подал в инспекцию ФНС заявление о переводе его с 01.01.2004 г. на упрощенную систему налогообложения в виде уплаты единого сельскохозяйственного налога в соответствии с положениями гл. 26.1 Налогового Кодекса РФ (как сельскохозяйственные производители). Налоговый орган своим уведомлением сообщил колхозу о невозможности перевода на упрощенную систему налогообложения, ссылаясь на то, что, на такую систему могут перейти сельскохозяйственные товаропроизводители, имеющие доход от реализации, произведенной ими сельскохозяйственной продукцией и (или) выращенной рыбы не менее 70 процентов от общего дохода; колхоз же к таким производителям не относится.

Не согласившись с решением инспекции, колхоз обратился в Арбитражный суд Астраханской области, с требованием о признании незаконными действий должностных лиц налогового органа, которое было удовлетворено.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение было оставлено в силе, и федеральный арбитражный суд названные судебные акты оставил в силе. Удовлетворяя заявленное требование, суды трех инстанций признали, что колхоз, занимающийся ловом рыбы и ее реализацией, с долей дохода от этой деятельности более 70 процентов от общего дохода относится к предпринимателям, производящим сельскохозяйственную продукцию, следовательно, в силу статьи 346.2 Кодекса вправе перейти на уплату единого сельскохозяйственного налога.

В заявлении, поданном в Высший Арбитражный суд РФ, инспекция просит отменить эти судебные акты, ссылаясь на неправомерное применение арбитражными судами норм материального права и нарушение единообразия в их толковании и применении.

Проверив обоснованность доводов, изложенных в заявлении, Президиум считает, что оспариваемые судебные акты подлежат оставлению без изменений по следующим основаниям. Пункт 1 ст. 346.2 Кодекса включает в число сельскохозяйственных производителей тех, кто производит сельскохозяйственную продукцию, однако не раскрывает понятия «лица, производящие сельскохозяйственную продукцию». Поэтому, исходя из п.1 ст.11 Кодекса, в целях уяснения того, какие лица понимаются в ст. 346.2 Кодекса под лицами, производящими сельскохозяйственную продукцию, допустимо использование понятий и терминов иных отраслей законодательства, в частности, ФЗ от 08.12.1995 «О сельскохозяйственной кооперации». Из ст. 1 Закона следует, что к сельскохозяйственным товаропроизводителям, относится, в том числе рыболовецкая артель, производство сельскохозяйственной (рыбной) продукции в которой составляет более 70 процентов объема производимой продукции.

Следовательно, если организация является рыболовецкой артелью (колхозом) и отвечает перечисленным Законом критериям, она относится к сельскохозяйственным производителям¹.

Таким образом, в системе юридических мер защиты прав и интересов сельскохозяйственных коммерческих организаций и предпринимателей все большее место занимает деятельность арбитражных и общих судов. Судебная защита прав и интересов аграрных коммерческих организаций и предпринимателей осуществляется путем: признания права, восстановления положения, существовавшего до нарушения права и пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; присуждения к исполнению обязанности в натуре, иными способами предусмотренными законодательными актами.

Роль обобщения судебной практики для повышения развития науки аграрного права несомненна. При рассмотрении дел в Конституционном Суде РФ, в общих и арбитражных судах принимаются во внимание аргументированные, научно-обоснованные мнения авторитетных ученых. Имеются примеры использования в судах и при вынесении решений доводов, изложенных в учебниках, научно-практических комментариях и пособиях, что положительно влияет на развитие не только науки аграрного права, но и на учебную дисциплину «Аграрное право».

Аграрное право, аграрное законодательство и конечно наука нуждается в дальнейшем развитии и совершенствовании, и важное место в этом отводится повышению роли судов в рассмотрении споров.

Являясь объективным выражением состояния общественных отношений, отрасль аграрного права как основной элемент системы права находит подтверждение в уровне ее научной обоснованности и признании ее ведущими учеными: З.С. Беляевой, Г.Е. Быстровым, С.А. Боголюбовым, Н.Н. Ведениным, Б.А. Ворониным, М.И. Козырем, Ф.М. Райновым, И.Ф. Панкратовым, М.И. Палландиной, Г.В. Чубуковым, В.В. Устюковой, В.Н. Яковлевым и другими учеными, внесшими свой вклад в становление, развитие и функционирование аграрного права. Как правило, сформировавшаяся отрасль права включается в перечень (номенклатуру) научных специальностей по юриспруденции. Аграрное право входит в специальность 12.00.06 – аграрное право; природоресурсное право; экологическое право². К сожалению, аграрное право как учебная дисциплина не охватывается государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования, что не отвечает потребностям общества в необходимости развивать сельскохозяйственное производство, готовить высококвалифицированных специалистов, способных обеспечить его правовое обслуживание³. Поэтому заслуживает поддержки деятельность профессора Г.Е. Быстрова по восстановлению исторической

¹ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 31 мая 2005 г. № 15448/04.

² О номенклатуре специальностей научных работников / Юридические науки: 12.00.06 : Утв. Приказом Министерства образования РФ за №17/4 ОПС от 25 января 2000г.

³ Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Специальность 02.11.00 – юриспруденция: Утв. Министерством образования РФ от 14 марта 2000г.

справедливости и включение аграрного права в число обязательных дисциплин, изучаемых в юридических вузах⁴.

⁴ Бобылев А.И. Собрание научных трудов. Вып.2. М., 2002. С. 177.

Ягофаров С.М. Применение современных образовательных технологий при преподавании юридических дисциплин

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

В настоящее время учебный процесс требует постоянного совершенствования, что обусловлено воздействием на него как внешних факторов - грядущая реформа образовательной системы, так и внутренних – сокращение числа лекционных занятий в связи с увеличением иной предметной нагрузки.

Лекционные занятия, стандартного монологического типа, пользующиеся наибольшей популярностью у преподавателей и предполагающие простую передачу информации не могут сегодня дать должного эффекта по дальнейшему усвоению материала и умению его использовать. Сказывается, прежде всего, простая нехватка времени в связи с постоянным, возрастающим увеличением объема информации по предмету дисциплины. К тому же юридические дисциплины, базой для которых является существующая система правовых норм, динамичны как и само законодательство, поэтому многие положения теоретического характера весьма быстро устаревают и рассматриваются уже в контексте науки соответствующей отрасли права как основа для дальнейшего исследования либо сравнения в историческом плане развития того или иного правового института. Учитывая это, отметим, что основными задачами в процессе обучения по юридическим дисциплинам является: формирование знания студентов по современному законодательству. Это явится основой формирования у студентов навыков по успешному запоминанию поступающей и обрабатываемой им информации; развитию креативного мышления на основе критического отношения к любой поступающей информации, в том числе и информацией исходящей от преподавателя; умению применять полученные знания в практической области, причем данное умение не должно носить шаблонный характер, так как в данном случае формируется не само умение применять законодательство – а всего лишь программа действий, что в частности характерно для отдельных практических работников, совмещающих трудовую деятельность и обучение по специальности. Часто допускаемое отдельными студентами выражение: «А зачем нам знать УПК РФ, когда у нас практика есть», - наглядно подтверждают указанный тезис.

Для решения указанных задач в процессе обучения педагогика разработала комплекс мер, направленных на улучшение качества чтения лекций путем дифференциации их видов. Наибольшее внимание привлекает следующие виды лекций - это проблемные лекции и лекции-конференции.

Содержание проблемной лекции заключается в постановке проблемных вопросов, которые необходимо решить в ходе изложения материала. Специфика проблемных вопросов заключается в том, что с их помощью преподаватель способствует формированию у студентов нового знания самостоятельным путем, с помощью поэтапного подведения хода размышления к правильному варианту решения вопроса.

При использовании проблемного подхода в чтении лекций обеспечивается достижение трех основных дидактических целей:

1. усвоение студентами теоретических знаний;
2. развитие теоретического мышления;
3. формирование познавательного интереса к содержанию учебного предмета и профессиональной мотивации будущего специалиста¹.

Выделяют два вида проблемных лекций – монологического и диалогового типа. Если в первом виде весь процесс от постановки вопроса до формулирования выводов полностью находится в ведении преподавателя, то в рамках диалогового варианта лектором лишь обозначается проблема и исходная информация – весь дальнейший процесс происходит путем обсуждения проблемы студентами под руководством преподавателя.

Следует признать, что наиболее перспективным и правильным, если исходить из современных процессов, происходящих в образовательной среде, является использование диалоговых лекций, которыми, помимо выше обозначенных, достигаются следующие цели:

1. повышение позитивной активности студентов на лекциях;
2. приобретение и оттачивание студентами навыков ораторского мастерства;
3. обучение культуре профессиональной дискуссии и межличностного общения;
4. умению четко формулировать вопросы и отвечать на них.

Наибольший эффект от проблемных лекций диалогового типа достигается при их совмещении с лекциями-конференциями, которые предусматривают взаимодействие преподавателя со студентами в плане формирования и вынесения отдельных проблемных вопросов на самостоятельное изучение и проработку с целью дальнейшего обсуждения на лекционных занятиях. В данном случае от преподавателя требуется формирование группы проблемных вопросов по каждой теме лекционного занятия с тем, чтобы творческий процесс студентов в плане научного исследования полностью соответствовал тематическому плану и исключал самостоятельность студентов, которая обычно характеризуется стремлением выбора вопроса исследования не по принципу интереса и важности, а по степени раскрытия материала в дополнительной литературе.

¹ Погребная Е.Н. Психолого-педагогические основы активных методов обучения // <http://tnaia.h10.ru/>

Использование научных сообщений в лекциях диалогового типа способствуют созданию предпосылок для зарождения и последующего продолжения дискуссии по проблемным вопросам лекционного занятия в виду того, что дискуссия между студентами на начальном этапе помогает преодолеть психологический барьер в межличностном общении преподавателя и студента, а следовательно, увеличить число студентов, заинтересованных в высказывании и отстаивании собственной позиции.

Важным аспектом в формировании методики проведения лекционных занятий диалогового типа является применение современных информационных технологий, которые помогают преподавателю донести информацию до студентов не только в вербальной, но и визуальной форме, что естественно повысит шанс запоминания информации уже в рамках лекционного занятия. К тому же визуальное изображение, в котором отражаются основные проблемные вопросы и исходящая информация, определяющая направление дискуссии, помогает студенту всегда быть в курсе обсуждаемого вопроса, что повышает эффективность лекционного занятия.

Проблемные вопросы, выносимые на лекционном занятии, могут исходить как из дискуссионных научных положений, так и из материалов судебной практики. Использование судебной практики должно основываться на использовании результатов проведенного преподавателем предварительного её обобщения.

Самостоятельное принятие верного решения студентами на основе иллюстрированной фабулы дела и существующего законодательства, способствует не только развитию навыков работы с имеющимися электронно-правовыми системами, но и формирует практические навыки необходимые юристу в работе по специальности. На наш взгляд, большую ценность, с точки зрения потребностей развития современного российского общества на основе демократических ценностей и приобщения к международным стандартам, представляет разработка проблемной ситуации на основе практики Европейского суда по правам человека, так как в данном случае к вышеизложенным положительным результатам добавляется возможность использования в рамках обучения сравнительно-правового метода исследования.

Применение современных информационных технологий не должно быть исключительным правом преподавателя. Учитывая тот факт, что пока не представляется возможным обеспечить комплексное материально-техническое обеспечение всех аудиторий персональными компьютерами, преподаватель не должен ограничивать использование студентами собственных портативных компьютеров при условии наличия в их базе данных, установленных электронно-правовых систем. Вполне логичным в данном случае было бы осуществить функционирование WIFI-технологии с целью обеспечения доступа студентов, обладающих собственными портативными компьютерами, к установленной и поддер-

живаемой в компьютерной сети юридического факультета ОГУ ЭПС «Гарант».

Все вышеизложенное позволяет заключить, что современные образовательные технологии на основе материалов обобщения судебной практики в ходе преподавания специальных юридических дисциплин должны занять значимое место в подготовке специалистов-юристов

